

Александра Плен

Сказки о трех мирах

«Александра Плен»

2021

Плен А.

Сказки о трех мирах / А. Плен — «Александра Плен», 2021

Мир фантазии прекрасен своей безграничностью. Здесь все возможно, и каждый может стать кем угодно. Особенно, если фантазия эта – писательская. Она способна создавать множество реальностей, наполненных технологическими достижениями, полетами наяву, звездами и планетами. Все это есть в сборнике Александры Плен «Сказки о трех мирах». В книгу вошли три повести. «Одинокий мир» повествует о колонизаторах, которые пытаются выжить на далекой планете Рапиде. Здесь любые чувства под запретом, ведь власть принадлежит бездушной машине. Люди, запертые в тюрьме собственной безысходности, смирились с незавидной участью. И лишь любовь может все изменить. В основе сказочной повести «Двойной мир» лежит с детства знакомый сюжет о Золушке. Несчастливая сирота, на долю которой выпало множество испытаний, вынуждена тяжело трудиться, чтобы избежать гнева злобной мачехи. Но, засыпая каждую ночь, она видит себя прекрасной принцессой в поднебесном мире Авалони. Что это – всего лишь сны? «Третий мир» – история души, оказавшейся в безвременье после кончины в нашей реальности. Бесконечное существование в форме бесплотного духа, наполненного лишь воспоминаниями о жизни, которой, возможно, никогда не было. В этом тягучем отражении Земли есть лишь одна сила, способная спасти душу из этой ловушки.

© Плен А., 2021

© Александра Плен, 2021

Содержание

Одинокий мир	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александра Плен

Сказки о трех мирах

Александра Плен

* * *

Одиноким мир

Солнце стремительно опускалось за горизонт. Еще несколько секунд – и мир поглотит тьма. Я уныло проводила глазами последний темно-красный луч и отвернулась от окна. Следующие несколько часов до рассвета по процедуре я должна отдыхать. На самом деле я уже бодрствую третьи сутки, реально на сутки больше, чем разрешено обычным жителям. Увы, на этом мои привилегии и заканчиваются. И пусть мой эксперимент завис на половине дороги, расчеты не сходились, на письменном столе разбросаны груды одноразовых черновиков, сейчас я обязана лечь в постель. Правила одинаковы для всех.

В коридоре пронзительно зазвенел последний предупреждающий звонок. Мои коллеги, наверное, уже в кроватях. Хотя иногда я все же встречала в коридорах таких же, как и я, трудолюбивых, которые пропускали обязательный сон, чтобы закончить работу. Но их было мало – Крис следила за своими детьми по многочисленным видеокамерам и в обязательном порядке наказывала тех, кто нарушал правила.

Я подошла к шкафу и нажала кнопку. Плавном выехала узкая складная койка. Такие приспособления были обязательным атрибутом каждого кабинета в нашем исследовательском институте. Да что там в институте. Где угодно – в школах, на заводах, в больницах... Если световой день длится три часа, приходится корректировать свою жизнь, работу, учебу исходя из этого.

В дневниках, оставшихся от первопоселенцев, копии которых мы изучали в школе, было написано, что на планете, откуда они прилетели, сутки длились 24 часа. Почти пополам – день и ночь. Я не представляю, что можно было делать с такой огромной уймой времени? Целых двенадцать часов дня. Со скуки умереть.

На Рапиде же все происходит мгновенно. Дни сменяют ночи через каждые три часа, планета волчком вертится вокруг своей оси, торопливо бегая по солнечной орбите. Времена года так же быстро меняются, два месяца зима, два – лето. Середины нет – вчера еще было минус пятьдесят. Сегодня уже плюс сорок. Местные растения и животные приспособились к такой жизни, а мы, люди, все еще привыкаем. Почти три сотни лет.

Историю нам преподавали в начальных классах. Мне всегда она казалась очень грустной и печальной. Триста лет назад межзвездный корабль «Странник» с пятью тысячами переселенцев приземлился на ближайшей планете в звездной системе красного карлика Эвоис, спектрального класса М3,5V. Путь был труден и долог. Хроники гласили, что корабль бороздил просторы космоса более двух сотен лет, вылетев с Земли в 2125 году. Пунктом назначения должна была стать Дюна-2, планета земного типа в созвездии Скорпиона. Но когда «Странник» вышел на ее орбиту, оказалось, что содержание азота в атмосфере Дюны выше расчетного. Корабль полетел дальше, по курсу был Орион, потом Пелея, потом Лири-3... В итоге после двух веков скитаний Крис (капитан корабля) выбрала Рапиде. Она объяснила это тем, что медицинские показатели экипажа, который все время был в анабиозе, ухудшались, а вероятность того, что мы найдем планету, пригодную для жилья лучше Рапиде, по расчетам составляла около пяти процентов. У этой хотя бы воздух был пригоден для дыхания.

Солнце Рапиде остывало миллиарды лет. Откуда на ней появилась атмосфера, если ранее на поверхности температура превышала четыреста градусов по Цельсию? Никто не знает. Наверное, тайну могли разгадать остальные четыре планеты, сейчас превратившиеся в молчаливые ледяные глыбы, плывущие в космосе. Но времени для исследований не было, люди из всех сил боролись за выживание в недружелюбном мире.

Три часа света. Три часа тьмы. Растения, животные рождались и умирали быстро. На планете не было ни одного существа, чей век был дольше Рапиданского года, а это всего четыре земных месяца. Крупных животных, как и больших деревьев, не было. Царями здеш-

ней фауны были травоядные размером с человеческую ступню. А невысокие кустарники – вершиной флоры.

Мой отец потратил всю жизнь на исследование местной растительности. Если бы нам удалось синтезировать подобие «земных» злаков, которые давали бы урожай за один здешний сезон, то жители Рапиде смогли бы высаживать модифицированную «пшеницу» или «кукурузу» в открытый грунт. И угроза голода перестала бы висеть дамокловым мечом над Александрией (до теперешнего времени жители планеты по-прежнему питаются синтезированной пищей и той, что дают теплицы). И что самое обидное – более восьмидесяти процентов жителей заняты обслуживанием парников, чтобы не голодать. Как говорит Крис – нецелесообразное расходование людских ресурсов.

В институте я с отцом занимаюсь одной проблемой – папа разрабатывает оболочку зерен, я – скрещиваю земные злаки с различными местными растениями.

Мама так же работает в нашем же институте (на самом деле он пока единственный в Александрии, столице Рапиде). Создает солнечные батареи, которые смогут хоть немного отобрать энергию у тусклого остывающего солнца.

Я распустила тугой узел волос. Спать совершенно не хотелось. На этот случай нам всем выдавали снотворные таблетки, но от них потом кружилась голова и першило в горле. Если бы не камеры Крис в каждом кабинете, я бы еще поработала, но потом придется отрабатывать провинность за нарушение распорядка в свои выходные. Мыть полы или копаться в теплицах.

Порядок в Александрии был таков: десять суток на работе, три – в собственном жилье (у кого оно было). Многие вообще не имели собственного жилья. Зачем? Дети круглосуточно находились в детских садах и школах, питались все в мобильных общих столовых, а спать можно было и на работе. Крис подгоняла и подгоняла, заставляя трудиться еще усерднее. КРИС – это наш президент, царь и Бог в одном лице. Она спасла нас, защитила, дала нам кров, еду, дом и работу. Компьютерная реалистичная интеллектуальная самообучающаяся программа. Капитан «Странника», а сейчас руководитель поселения землян на Рапиде.

Я уже приглушила освещение и собралась ложиться, как услышала в коридоре странный звук. Словно хлопнула дверь или щелкнул замок. Заинтересовавшись, кто еще кроме меня нарушает распорядок, выглянула в коридор. В полумраке я разглядела торопливо идущего мужчину. Роберт? На языке вертелась колкость. Улыбаясь и представляя, как мы будем вместе драить полы, я шагнула навстречу.

Мужчина, увидев меня перед собой, резко остановился и напрягся, словно перед ударом. Нет, это был не Роберт. У меня пару секунд ушло на то, чтобы рассмотреть затемненное лицо и узнать давнего знакомого.

– Привет Люк, – я постаралась скрыть удивление в голосе.

Люк Донаван, с которым я не виделась уже более сорока пяти лет (пятнадцать по земному исчислению), был явно ошеломлен. Или моим внезапным появлением в коридоре, или чем-то другим. Глаза его на секунду испуганно расширились, чтобы потом зло сузиться.

– Откуда вы меня знаете? – пробормотал он напряженным голосом и двинулся в сторону, обходя слева. – Простите, я спешу...

Я шуточно раскрыла руки в стороны и шагнула наперерез.

– Люк! Неужели я так сильно изменилась? – хмыкнула весело. – Ты бы узнал меня, а если бы я была на голову ниже, сидя на мотоплатформе, одета в огромный комбинезон и с пучком травы в руке? Ведь именно так мы встретились.

– Нина? – неуверенно произнес он через пару секунд и добавил, наклоняясь ближе – Боже мой! Нина! Что ты здесь делаешь?

– Работаю. А ты как здесь оказался? – улыбнулась осторожно я. – Не ожидала встретить тебя в институте.

Люк неопределенно пожал плечами и отвел глаза.

– По делу заскочил.

Я была поражена и обрадована одновременно. Столько лет прошло, я уже и забыла о том коротком лете, которое я провела в компании пятнадцатилетнего подростка Люка Донавана. Если бы не моя феноменальная память на лица, вряд ли я бы узнала в этом высоком симпатичном мужчине чумазого дерзкого проказника, которым я втайне восхищалась.

– Не думал, что ты подашься в науку, – произнес Люк тихо, пристально рассматривая меня в темноте коридора. – В последний раз, когда мы виделись, ты больше увлекалась поцелуями, чем биологией.

Он перевел взгляд на дверь за моей спиной и прочитал, сощурившись:

– Профессор Нина Робертс, старший научный сотрудник, доктор биологических наук, руководитель группы... – запнулся и кашлянул, словно поперхнувшись. – Это все ты? Та любопытная девочка с косичками? Я думал... У тебя, должно быть, уже пара-тройка ребятишек, муж и большой дом с собственной теплицей. И работать будешь в сфере обслуживания.

Я непроизвольно нахмурилась. Может быть, я и целовалась однажды с Люком, но мне в тот период исполнилось двенадцать лет по земному исчислению, это было естественно в таком возрасте.

– У меня IQ 205, – раздраженно ответила я, – ты считаешь, что я должна продавать еду в барах или нянчиться с малолетками в детском саду? Мой интеллект слишком ценен, чтобы тратить его на деторождение.

Я немного лукавила. На самом деле Крис давно намекала, что нужно подумать о передаче своего генетического кода. И даже подобрала пару – Жака Шонери, доцента из кафедры программирования и электроники. Но, во-первых, Жак был настоящим «ботаником», неопрятным, полным и неряшливым. Даже его запредельный IQ не искупал того, что от него пахло немывтым телом и протухшей едой.

А во-вторых, я заканчивала важное научное исследование, которое нельзя было бросить на полдороге. Поэтому Крис не слишком напирала. И даже предложила искусственное оплодотворение, если я не захочу забеременеть традиционным способом, через контакт. Скорее всего, я соглашусь именно на него, так как только подумаю о Жаке, мне почему-то становится тревожно, грустно и немного гадко.

Увы. После того как сто двадцать лет назад произошел взрыв в медицинском центре «Странника», где находились инкубаторные камеры, прирост обитателей Рапиде стал зависеть только от них самих. Погибли все зародыши, яйцеклетки и биоматериал, привезенные с Земли, чтобы разнообразить генетическую популяцию нового поселения. Медцентр так и не восстановили, поэтому так медленно росло население. Крис настаивала, чтобы каждая женщина рожала, по крайней мере, пять-шесть раз. Исключение составляли только научные работники. Им можно было иметь двоих-троих детей, чтобы не отвлекаться от исследований.

Мама и папа сошлись по настоянию Крис. Планировалось, что у высокоинтеллектуальных родителей должны быть такие же дети. Но не всегда Крис оказывалась права. Два моих старших брата не оправдали ее надежд. У Романа обнаружился врожденный дефект – неспособность к образному мышлению. Сейчас он работает водителем на автоматическом погрузчике. А у Дэвида IQ едва хватило на техника-электронщика.

И только третий ребенок (то есть я) получился такой, как надо. У меня были самые высокие баллы в школе, а потом и в институте. Я показывала блестящие результаты на олимпиадах и семинарах. В шестнадцать защитила кандидатскую, в двадцать – докторскую. А два года назад Крис позволила мне читать лекции в институте и брать себе учеников.

– Ладно, – вдруг заторопился Люк, – было приятно поболтать. Мне правда пора.

Развернулся и почти побежал по коридору в сторону выхода. Я удивленно уставилась в удаляющуюся спину.

– Ты мне так и не сказал, что делал в институте! – крикнула я ему вслед. Люк на мгновение обернулся и развел руками, словно извиняясь. И тут я увидела в просвете небольшое утолщение в области талии. Я ничего не успела сообразить, как мужчина быстро скрылся за поворотом.

Я задумчиво вошла в кабинет. Тревожная мысль не давала покоя. Я нажала кнопку интеркома на браслете:

– Крис, ты тут?

– Я всегда рядом с тобой, Нина, – сразу же отозвалась она, – почему ты не спишь?

– Развей мои сомнения, – я села на кровать и уставилась в темное окно. – Люк Донаван работает в нашем институте?

– Люк Донаван? Я никого не знаю с таким именем из всех моих детей, живущих в Александрии, Нина, – ответила Крис. – Кто это? Почему ты спрашиваешь?

– Я только что встретила его в коридоре института. Он куда-то торопился, и под мышкой у него было что-то объемное. Я подумала, если его пропустили охранные системы и твои камеры повсюду.

– Мои камеры не работают уже минут десять, – доброжелательный голос Крис превратился в безэмоциональный механический, – кто-то отключил охранную систему. Опиши подробнее этого Донавана. Мне кажется, у нас ЧП.

– Высокий, около метра восьмидесяти пяти. Темноволосый, волосы скорее черные, чем каштановые. Ровный нос, чуть удлинённый, немного оттопыренные уши, небольшая родинка возле правого уха...

Я подробно описывала Люка, благо у меня была феноменальная память. А в голове параллельно крутились бесконечные вопросы: он в пятнадцать лет соврал мне, как его зовут? или он из «диких»? что же ему было нужно в институте? как он отключил камеры? и что украл?

– Донаван шел со стороны кабинета моего отца, – добавила я в конце, – был одет в обычный лабораторный комбинезон работника института. И мне показалось, он немного нервничал.

– Спасибо, девочка моя, – голос Крис опять стал ласковым, – я найду его. Камеры уже включились, да и из города он никуда не смог бы скрыться. А теперь спать, Нина. Правила для всех одинаковые, даже для моих любимчиков.

Я невольно улыбнулась. Какая она прелесть, наша Крис. Что бы мы без нее делали?

Она была со мной всегда, с самого раннего детства. Я слышала ее голос, когда лежала в автоматической колыбели. Именно она мне пела песни, рассказывала сказки, успокаивала и подбадривала. Она, а не родители. Их я не видела по нескольку дней подряд, а когда они меня посещали (в основном по отдельности), то не смотрели в лицо и все время куда-то торопились.

Крис утешала меня, когда я разбивала коленки, советовала, как поступить, когда я оказывалась на распутье. Рассказывала истории на ночь, когда мне было страшно заснуть, учила со мной таблицу умножения, а потом и клеточное строение и эволюцию высших форм жизни.

Она была рядом с каждым жителем Рапиде. Мы все безоговорочно доверяли ей, вручив судьбы и жизни в йоттабайты операционного сервера. И то, что после трех сотен лет жизни на этой сумасшедшей планете мы все еще живы – заслуга Крис.

Двести лет назад всеобщим голосованием поселенцы выбрали Крис бессменным президентом, и с тех пор ничего не изменилось – она по-прежнему руководит нами.

Немного раздражали натянутые повсюду камеры и микрофоны, но как иначе она могла бы управлять таким огромным городом? Она же не живой человек. У нее нет рук и ног. Камеры – это ее глаза и уши.

Я легла в кровать и послушно закрыла глаза, но сон по-прежнему бежал от меня. Встреча с Люком невольно подняла из глубин памяти забытые воспоминания.

Крис была со мной двенадцать лет каждый день, каждую секунду, с самого рождения. Но однажды, пятнадцать лет назад, она сказала: «Пора учиться самостоятельности, девочка» –

и попросила вынуть датчик из уха. Я была в шоке. Как я буду без постоянного присутствия Крис? Я словно лишилась руки или ноги.

– Ты бросаешь меня? – рыдала я, закрыв руками уши, словно пытаюсь удержать в себе ее голос.

– Что ты, милая, – успокаивала она меня, – твое детство закончилось. Теперь ты должна учиться самостоятельно принимать решения, иначе твое обучение будет неполным. Научные исследования показали, что людям для приобретения определенных навыков и развития высокого интеллекта нужна независимость и автономность. И мой голос в твоей голове будет только мешать. Теперь я буду в браслете, который ты получишь на складе, и если ты захочешь со мной поговорить – просто нажми кнопку.

Я страшно расстроилась. Первое время бесконечное число раз нажимала кнопку, чтобы поговорить и посоветоваться. Потом привыкла. А потом окончила досрочно школу и получила от Крис огромные длинные каникулы в подарок.

К тому времени я показала блестящие результаты по тестам, перепрыгнула через три класса, написала курсовую по ночным видам животных Рапиде, и Крис сказала, что «малышке необходимо отдохнуть». За месяц до этого я почти перестала спать, у меня начались неконтролируемые панические атаки и галлюцинации. Крис боялась, что мои мозги (как она сказала) могут перегореть. Что это значит, я не знала, но спорить с президентом не стала.

Мы с отцом поселились на окраине диких земель. Папа в очередной раз собирал материал для текущей научной работы и взял (по настоянию Крис) меня с собой.

Мама отказалась ехать с нами, у нее были лекции в институте. Я не возражала. Родителей я видела редко, знаменитую маму, руководителя отделения энергетики нашего института, и вовсе несколько раз за семестр.

Это были самые странные два месяца моей жизни. Отец копался в земле и не обращал на меня никакого внимания. Я была впервые предоставлена сама себе и растерялась от огромного количества свободного времени. Даже Крис оставила меня в покое, пообещав, что не будет мне надоедать и появится, если только я ее позову. Я бродила по диким пустошам три часа светового дня, а потом рассматривала звезды ночью. Никто не приказывал мне придерживаться режима, никто не пичкал указаниями и задачками из учебников.

В один из коротких летних дней я встретила Люка. Он ловил «лягушек» на небольшом пруду, через поле от нашего лагеря. Чумазый мальчишка в рваных штанах и с озорными глазами.

– Зачем тебе Паэдофрин амауенсис? – поинтересовалась я у него, спускаясь с мотоплатформы.

– Чего? – уставились на меня веселые глаза, – Как ты обозвала эту каракатицу?

– Это по латыни, – высокомерно заявила я, – ты что, не учишься в школе?

– Учусь, – отмахнулся он, – но таких непонятных слов не знаю. Иди лучше сюда и помоги.

Я скептически посмотрела на мой чистенький комбинезон нежно-зеленого цвета, выбросила пучок *Samelina album* (так папа называл однолетний кустарник, произрастающий в этой части континента) и решительно шагнула в грязь.

Я не знала, откуда он взялся и где живет. Мы не говорили о родителях, не обсуждали нехватку продуктов и проблемы с солнцем (самые популярные темы в Александрии). Мы просто безобразничали и занимались ничегонеделанием. Ловили мелкую живность, загорали на солнышке, играли в слова и хвастались друг перед другом, перемножая в уме большие числа. Ему было не угнаться за мной по части математики и физики, зато он умел соорудить палатку из прутьев и травы и профильтровать воду, сделав ее пригодной для питья. Я носила с собой специальные таблетки, он же говорил, что нужно быть ближе к природе и пытаться приспособиться к ней.

Он умел красиво свистеть и рисовать прутиком на песке, я перечисляла химические названия металлов и других элементов, найденные на Рапиде в нашем первом рапиданском руднике.

Мы встречались каждые три дня в течение месяца. Я забыла о Крис, о браслете, о том, что через месяц я буду учиться в институте на первом курсе. Мне было всего двенадцать лет, и я впервые чувствовала себя свободной. Никто меня не подгонял, не заставлял зубрить и решать головоломки. Крис, как всегда, оказалась права – это время пошло мне на пользу.

– А ты умеешь целоваться? – однажды спросила я. В последнем классе меня заинтересовали межличностные отношения. Я даже подумывала выбрать для следующей курсовой работы тему гендерной социологии.

– Конечно, – отмахнулся Люк, сделав равнодушный вид, – сто раз это делал.

– А меня научишь? – осторожно поинтересовалась, опасаясь отказа. Я никогда не видела, чтобы мама и папа целовались. Иногда, очень редко, замечала обнимающиеся парочки на улице, было не принято в Александрии проявлять чувства и эмоции при других. А у Крис я стеснялась спросить.

– Легко! – ответил Люк, встал и отряхнул руки. – Иди сюда.

Я робко подошла ближе, остановилась рядом и подняла лицо. Он был гораздо выше меня, смуглый, черноволосый, худощавый. Я планировала провести обычный научный эксперимент, но почему-то странно заколотилось сердце и спина взмокла от волнения. Веки налились тяжестью, и глаза закрылись сами собой.

– Ты боишься? – шепнул Люк. Я судорожно сглотнула и немного приоткрыла один глаз. Юноша серьезно и внимательно смотрел на меня, губы его чуть подрагивали. То ли от волнения, то ли он собирался рассмеяться.

– Нет, – так же тихо ответила я, – немножко... Не знаю...

И вдруг его лицо расплылось перед глазами, он наклонился и дотронулся теплыми губами до моих. Прижался и замер, стараясь не дышать. Я чувствовала давление губ, пульсацию крови в них. Его, моей. Было странно. Тепло и волнующе. Губы покалывало, в ноздри ударил пыльный запах одежды Люка, его кожи, волос. Голова закружилась. Я пыталась анализировать свои чувства, понять, что в поцелуе такого притягательного и загадочного. Почему его воспевают в поэмах и о нем пишут стихи... И не могла сосредоточиться ни на одной мысли...

Так мы и простояли, крепко прижавшись, пока не кончился воздух в легких...

Отпрянув и отдышавшись, мы внимательно посмотрели друг на друга. Люк криво улыбнулся.

– Ну как? – произнес он весело. – Обращайся в следующий раз, когда захочешь потренироваться, всегда в твоём распоряжении.

– Ничего особенного, – я высокомерно задрала нос, – поцелуй меня не впечатлил, и, пожалуй, я больше не буду тебя тревожить по этому поводу, Люк Донаван.

Если парень и обиделся, то не показал этого... Больше мы не встречались, я уехала в Александрию тем же вечером. Отца срочно вызвали на кафедру, а я даже не попрощалась со своим новообретенным другом.

На самом деле я соврала. Тот поцелуй я запомнила на всю жизнь. Потом были другие, много других. Потеря девственности со студентом кафедры биологии на четвертом курсе (его мне подобрала Крис, как подходящего по темпераменту и интеллектуальным показателям). Долгие нравоучительные беседы с профессором Джоном Морицем, продвинутым специалистом в области гендерной психологии (Крис решила, что это пойдет мне на пользу). Сексуальные эксперименты и настойчивые советы Крис о смене партнеров. Ее требования о передаче моего генетического кода следующему поколению и, наконец, выбор Жака как моего будущего мужа.

Увы, эксперименты быстро надоели, так как не приносили удовлетворения ни уму, ни сердцу. Я сделала вывод, что наука гораздо интереснее, и перестала встречаться с противоположным полом, отдав всю свою энергию исследованиям. Крис на время поутихла – работа была важнее.

Но тот, почти целомудренный поцелуй Люка почему-то до сих пор жил в моем сердце. Может быть, потому что был первым?

Зазвенел звонок на подъем. Я резко вскочила с кровати и выглянула в окно. Раз, два, три. Солнце резво выскочило из-за крыш домов и осветило площадь перед институтом. Впереди еще один трехчасовой день.

* * *

– Нина, – раздался громкий голос Крис в тишине кабинета, – мы его так и не нашли.

– Кого? – Я непроизвольно вздрогнула и ударилась виском о микроскоп. Крис всегда предупреждала о своем появлении нежной трелью или сигналом. Но не сейчас... Я потерла пальцем ушиб и обернулась к камере. Хотя для Крис это и неважно, но я считала ее личностью и предпочитала разговаривать, так сказать, «лицом к лицу», как с человеком.

– Расскажи все, что ты знаешь о Люке Донаване, – холодно произнесла Крис через динамик, – он растворился в Александрии, словно тень. Скорее всего, у него здесь есть сообщник, и он помог ему спрятаться.

– А ты уже обнаружила, что он украл? – поинтересовалась я.

– Лабораторные образцы семян из кабинета твоего отца, прототипы его эталонов, – ответила Крис. В ее голосе мне почудилась укоризна, словно я была в чем-то виновата.

– Я рассказала о Люке все, что знала, – ответила я, вздохнув, – я увидела его впервые после сорока пяти лет и была сильно удивлена.

На самом деле после того, как приехала, я пыталась искать его в Александрии, но ничего не вышло. Много семей жили за чертой города, занимаясь теплицами, фермами, работая на руднике. Крис подключать я постеснялась, я вообще не рассказывала ей о своем приключении, и, как оказалось, зря.

– Постарайся еще что-то вспомнить, Нина, – попросила Крис, – ты одна его видела и знаешь. У тебя прекрасная память, помогут самые незначительные детали, возможно, он что-то рассказывал о друзьях, называл имена.

– Хорошо, я постараюсь, – устало выдохнула я и добавила: – Ничего же непоправимого не произошло? У отца запасы этих семян почти в каждом кабинете. Он может создать еще, формула-то сохранилась. Да и семена порченые... Урожая все равно не будет.

– Вор должен быть наказан, – отрезала Крис металлическим голосом, – я не позволю дикарям безнаказанно воровать мои разработки...

Вообще-то это были папины разработки, но я не стала спорить. Усталость трех бессонных суток давала о себе знать, да и поесть не мешало бы.

– Ты никогда не рассказывала о «дикарях», – я обернулась к рабочему столу и принялась сортировать записи по датам и заносить в дневник результаты опытов, – кто они? Где живут? Что делают?

– Нина, – отрезала Крис, – ты учила историю в школе. Там сказано достаточно. Остальное неинтересно. Спокойного вечера. Сообщи, если что вспомнишь... Я очень разочарована...

Крис отключилась. Я растеряно смотрела перед собой и размышляла. Крис разочарована? Мной? Моим бездействием? Исследованиями? Подростковой дружбой с Люком или тем, что я держала ее в тайне? Или тем, что я отказываюсь делать детей с Жаком? Настроение упало до нуля. Крис была моей лучшей подругой, советчиком и патроном. Я высоко ценила ее мнение, и раньше она никогда не ругала меня. Было обидно и больно.

Я посмотрела на часы – через полчаса закат. Собрала электронные дневники, вложила в ячейки планшета (программа сама отсортирует и впишет полученные результаты), когда я приду домой, уже будут построены графики и диаграммы. Мне останется только оценить результативность и сделать выводы. Накинула куртку и вышла из кабинета. Впереди два дня отдыха. Я все равно буду работать, но только дома. Какой в этом смысл? Но правила есть правила, и Крис строго следит за этим. Она вообще помешана на правилах и регламентах, соблюдении распорядка и инструкциях. И это необходимо в нашем мире. Таком враждебном и чуждом людям.

Я жила в институтском городке, в крошечной квартирке с ионным душем и небольшим кухонным автоматом. В комнате едва помещались кровать, стол и маленький шкафчик. Но и это было благом. Многие до сих пор не имели собственного жилья и обитали в общежитиях. Энергия была на вес золота. Маленькая атомная станция, привезенная с Земли, давно перестала работать, полезных ископаемых на Рапиде было немного, оставалось только отбирать тепло у солнца.

Когда-то в школе я спросила учителя, как сейчас живут те, кто ушел из Александрии после «раскола». Та грубо заявила, что не знает и не желает знать. Я перечитала все, что было в библиотеке, но картина оставалась удручающей. Белые пятна зияли то там, то сям.

После того как «Странник» приземлился на Рапиде, начался непростой колониальный период. Корабль был огромным. В нем было два жилых комплекса, несколько атомных электростанций, законсервированные химические и металлургические заводы. В каждом жилом комплексе были медицинский и развлекательный центры, лаборатории, ангары с летательными аппаратами и наземными транспортниками и многое другое.

Капитаном корабля был Эдвард Нортон, полковник космического флота, он и стал первым руководителем поселения на Рапиде. Пять тысяч проснувшихся были полны надежд и рьяно взялись за обустройство.

Главной целью стало увеличение количества населения.

В первый же год были заполнены все инкубаторы, и на следующий родилась тысяча младенцев. Сначала их раздавали семьям, потом, через несколько лет, когда младенцев стало в пять раз больше, чем поселенцев, было принято решение воспитывать их в специальных интернатах. Еду синтезировал «Странник», но, судя по громадному приросту людей, нужно было начинать возделывать землю. Здесь и начались проблемы. Или почва, или климат, или еще что, но привезенные с Земли семена не проросли, гниая в земле. Начали строить теплицы...

А через десять лет произошел первый раскол. Малышей стало слишком много, и поселенцы общим голосованием приняли решение притормозить рождение новых деток. Крис была против. Она доказывала, что любая экспансия держится на расширении и освоении завоеванной территории. Чем больше колонистов, тем быстрее и качественнее разовьется цивилизация. Большинство поселенцев встало на сторону Крис, но и противников было достаточно.

Крис и раньше обвиняли в том, что она единолично посадила корабль на Рапиде, не посоветовавшись с капитаном. Планета была далеко не такая сказочная, какая была обещана переселенцам в рекламном ролике транспортной компании. Рапиде была маленькая, бедная на минералы и полезные ископаемые, климат был ужасен, солнце остывало, сильное магнитное поле разрушающе действовало на немолодых, провоцируя болезни, и прочее, прочее...

Некоторые активисты даже предлагали опять поднять корабль и поискать другой дом. Но, увы, сделать это было невозможно по многим причинам.

Около ста лет назад произошел сбой в первой электростанции, и серия взрывов уничтожила химический завод по производству пластика и медицинский центр. После этого стало еще тяжелее. Институт семьи почти прекратил свое существование на Рапиде, люди отвыкли рожать детей самостоятельно, только немногие семьи имели своих собственных детей, остальные брали из интерната или жили в одиночку.

Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Огромное количество времени и сил уходило на производство еды – сооружение, обустройство теплиц и парников. После взрыва остался один химический завод, и строительство жилых домов притормозилось... Крис настаивала на развитии науки, техники и увеличении количества жителей. Президент – на сокращении производства детей, экономии и развитии ресурсов самой планеты. Не переделывать планету под себя, а находить, как приспособиться к ней... По моему мнению, в некотором роде и те, и другие были правы, но Крис была ближе к истине. Ее и поддержало большинство. К тому времени на Рاپиде проживало около миллиона жителей. Небольшая (по земным меркам) группа противников Крис (около двухсот тысяч) покинула Александрию, забрав с собой второй жилой блок корабля и маленькую электростанцию. На сколько километров им хватило топлива и как далеко они ушли – в учебниках не упоминалось. Предателей вычеркнули из жизни поселенцев и забыли об их существовании.

И теперь, спустя почти двести лет, появился Люк Донаван, предположительно один из них... Я взволнованно ходила из угла в угол по своей квартирке. Как я ни старалась найти в библиотеке упоминание об ушедших, все без толку. Ощущение такое, что они просто растворились в атмосфере Рاپиде. Не может быть, чтобы Крис что-то скрывала... Должны же быть встречи между поселенцами, перебежчики с их стороны. О том, что кто-то мог уйти из Александрии в дикие земли, я и представить не могла. В детстве я считала дикарей кучкой грязных необразованных невеж. Кто они по сравнению с нашим высокоразвитым индустриальным обществом?

И если Люк Донаван из диких, то это значит, что... Они почти не отличаются от нас. Подросток Люк умел читать, красиво рисовал, его одежда (пусть пыльная и грязная) была хорошо сшита.

С трудом, но все же я выбросила Люка из головы и постаралась углубиться в отчеты. Нужно спешить. Уже были распаханы и подготовлены для посадки два огромных поля под открытым небом на юге Александрии. Ждали только меня, чтобы высадить первую партию семян в грунт. Я открыла планшет и принялась изучать графики произрастания при разных условиях высадки.

Еще несколько лет назад мы с отцом испробовали все. И ультразвуковую обработку, и барботирование, клонирование и напыление... Последнее вкупе с дражированием дало результат. Отец экспериментировал с множественными оболочками. Подбирал микроэлементы, которых не хватало в рапиданской почве. Разработал конвейерное многофункциональное чередование слоев. Обрабатывать семена было гораздо дешевле, чем насыщать микроэлементами саму землю (хотя нами был просчитан и этот вариант). После всех автоматических процедур они выглядели как круглые разноцветные шарики, укутанные в многочисленные защитные оболочки.

Когда на первом экспериментальном поле появились зеленые ростки пшеницы, Крис объявила на всю Александрию, что мы стали победителями планеты, нам удалось покорить природу. Пшеница поднялась, выросла до нужного уровня, пожелтела и засохла. Урожая мы так и не дождались.

Мы с отцом снова принялись за работу. Я специализировалась на молекулярной биологии, и именно мне было поручено вывести генотип, дружественный к рапиданскому климату. В лабораторию свозили образцы всех рапиданских растений, вплоть до самого чахлого мха, произраставшего на стенах рудника. Я разбирала каждое по молекулам, соединяла эндосперм одного семени с зародышем другого и с околоплодником третьего...

Прошла еще одна напряженная неделя. Все свободное пространство кабинета было заставлено пластиковыми стаканчиками с рассадой. Я то и дело бегала на улицу, собирая новую землю. Высаживала партию обработанных семян, чертила графики и диаграммы, смотрела под микроскопом постепенное разрушение оболочки и прорастание модифицированных ростков.

Теория давно была позади, осталась практика.

Наконец один из образцов зацвел спустя два дня после посадки. Это был рапс. Боясь загадывать на будущее, я внедрила новую ДНК в кукурузу и пшено. И они тоже дали плоды. Это была победа.

– Крис! – закричала я, обернувшись к камере. – У нас получилось! Я нашла нужное нуклеотидное основание!

– Я всегда знала, что ты самая одаренная моя воспитанница, – отозвалась Крис похвалой и сразу же перевела разговор в практическое русло: – Через какое время я получу достаточное количество семян для посадки?

– Нужно примерно два-три миллиона семян на гектар. До завтра я подготовлю сотню ручную, высажу в теплице. Через пару недель семена дадут потомство, по пятьдесят-семьдесят в каждом колосе. Итого пять тысяч... – Я задумалась на пару секунд, просчитывая в уме. – Четыре высадки. Или две, если работать параллельно с несколькими теплицами.

– Забирай обе институтские теплицы, Нина. Через два месяца мы должны получить первый урожай.

– Мы получим его, Крис, – улыбнулась я устало, – самое тяжелое позади.

– Я горжусь тобой, Нина, – торжественно заявила Крис, – ты хорошо поработала. На следующем годовом собрании я отмечу твои заслуги перед народом Александрии. Возможно, мы даже поставим тебе памятник.

Крис отключилась, а я еще долго смотрела на мигающий огонек камеры. Какой еще памятник?

* * *

В производстве семян были задействованы все – студенты, помощники и коллеги. Даже Жак (отец моего будущего гипотетического ребенка) создал программу автоматического переноса нужных нуклеотидных последовательностей в новые виды, и дело пошло быстрее (это все равно не сделало его более привлекательным в моих глазах, но значительно ускорило процесс).

Когда была высажена в открытые теплицы первая партия, я решила сделать себе выходной. Несколько месяцев я не была в своей квартирке и даже немного соскучилась по ней. Идти было недалеко, через небольшой парк с искусственными земными деревьями (от полиуретановых и виниловых растений толку было мало, но их сделали еще первые поселенцы, как память о Земле, и парк считался своеобразным памятником былой жизни на планете-прародительнице).

Быстро темнело. Я торопилась успеть попасть домой до ночи и не смотрела по сторонам. Поэтому, когда из-за развесистого «дуба» вынырнула высокая фигура, я не на шутку испугалась.

– Нина, это я, – произнес поспешно Люк. Я прижала руку груди, успокаивая колотящееся сердце.

– Люк? Что ты здесь делаешь? – я быстро обернулась по сторонам, вокруг не было ни души, потом насмешливо произнесла: – Собираешься украсть пластиковое дерево?

– Нет, – серьезно ответил мужчина, – собираюсь украсть тебя.

Я онемела от неожиданности. Вот это заявление! Некоторое время я стояла и рассматривала наглеца. Люк выглядел устало. Запавшие скулы, сгорбленная фигура. За те два месяца, которые прошли с нашей встречи в коридоре института, он словно постарел на несколько лет.

– Нина, нам нужно поговорить, – Люк качнулся в мою сторону, я же шарахнулась назад.

– Нам не о чем говорить, – отрезала резко, – ты вор. Пробрался в институт, отключил сигнализацию, украл семена. Зачем они тебе были нужны? То, что ты взял, было незавершенным прототипом.

– Я знаю... – Люк невесело хмыкнул. – Из них ничего не выросло. Увы.

– Ты поторопился, Люк, – насмешливо добавила я, – нужно было подождать месяц-два и украсть нынешние семена. Может быть, вышел бы толк. Давай, до института двести метров, еще успеешь.

– Сейчас ваш институт охраняется круче атомной станции, – произнес он, – я пробовал пробраться. Бесполезно.

– Ничем не могу помочь, – я отвернулась от мужчины и решительно направилась к своему дому, – прощай.

– А ты не спросишь, зачем мне понадобились семена? – раздался негромкий голос у меня за спиной. Я раздраженно фыркнула:

– Мне все равно. Можешь делать с ними что хочешь. Они пустышки.

– Мои люди голодают, Нина, – продолжал говорить Люк, – мы два года живем с продовольственными карточками. Взрослые втянулись, но дети... Недоедание сказывается на развитии.

Я замерла на границе рощи, не успев сделать последний шаг и выйти на свет.

– У вас нет своих ученых? Нет исследовательских институтов, лабораторий? – Мой голос источал ледяной холод.

– Таких ученых, как ты – нет, – правдиво ответил Люк, – мы пытаемся получить прототип, но пока терпим неудачу.

– А как же синтезатор? – поинтересовалась я хмуро. – У вас же должен был остаться один. Еще со времен первых поселенцев.

– Он окончательно сломался. Триста лет огромный срок. А материалов для починки нет.

– А теплицы?

– Их не хватает. Да ты и сама знаешь, они не могут обеспечить всем необходимым.

Я стояла в растерянности и не знала, что предпринять. Внутри боролись любопытство и верность Крис.

– Ты же из «диких», я права?

– Из «диких»? – в голосе мужчины послышалось усталая насмешка. – Так вы нас называете?

Мне почему-то стало неловко. Не помню, кто их так начал называть, или я в учебнике прочитала?

– Прости, я не хотела быть грубой, – произнесла негромко, – я ничего не знаю о вас. Где вы живете, чем занимаетесь... После «раскола» данные об ушедших засекречены, а я слишком занята исследованиями, чтобы тратить время на поиски истины.

Тон разговора поменялся. Злость ушла, раздражение улеглось. Я уже не видела в Люке преступника и негодяя. Скорее уставшего, озабоченного человека. На худом угловатом лице явно обозначились преждевременные морщины. Он был совсем не похож на того беззаботного веселого мальчишку, которого я помнила. Глаза напряженно смотрели на меня. И весь он был, как натянутая пружина.

– Поехали со мной, Нина. На границе Александрии нас ждет транспортник. Через пару часов мы будем в Лондоне, нашей столице. У нас тоже есть лаборатории, пусть и не такие продвинутые, как в вашем институте. Я многого не требую. Поможешь с семенами, заодно посмотришь, как мы живем.

– Я не могу уехать, – пробормотала быстро, – не сейчас. Мы только высадили первую партию семян. Я должна дождаться результата...

– Они прекрасно справятся без тебя, – ответил Люк, и я мысленно согласилась с ним.

Мне было немного любопытно взглянуть на город «диких», на то, как они живут, но я опасалась, что Крис будет против моей поездки. Я едва восстановила свою репутацию в ее глазах после того неприятного инцидента с утаиванием информации о своем детском приключении.

– Я могла бы тебе дать формулы. Приходи ко мне через неделю-две. Я запишу результаты исследований на диск, и ваши ученые смогут создать прототипы, – уцепилась я за новую идею.

– Нина, – Люк отрицательно махнул головой, – у меня нет этих двух недель. Я должен сделать еще одно, гораздо более важное дело... – Мужчина на секунду запнулся, словно раздумывая, посвятить меня в это или нет. После минуты колебания все же решил не посвящать. Ну что же, у каждого есть свои секреты.

– Да и боюсь, в следующий раз я не смогу пробраться через заграждения, – добавил в конце.

– Какие заграждения? – удивленно спросила я.

– Ваш город окружен электрическим высоковольтным забором, – и видя неопишное изумление на моем лице, добавил: – Ты что, не знала?

– Нет, – ответила я растерянно, – откуда? За последние пятнадцать лет я ни разу не покидала город. И как же ты пробрался сегодня?

– Есть один способ, – неуверенно произнес Люк, – я не знаю, смогу ли я использовать его в следующий раз.

– У тебя лазутчик в Александрии? – догадалась я. Мужчина недовольно поджал губы, ничего не ответив. Мы ненадолго замолчали. Погасли все фонари, нас окружила чернильная тьма. Для экономии энергии возле дома горел всего один небольшой светлячок, но он был далеко и давал так мало света, что я едва-едва различала силуэт Люка.

– А животноводческие фермы?.. – Я все еще пыталась найти лазейку. – Поселенцы привезли с собой активные зародыши свиней, кур, овец. Ты разве не знал? Пришлось немного вмешаться в их генетический код, но животные лучше, чем растения, приспосабливаются к трудным условиям.

– Когда мы уходили, нам не позволили взять зародыши животных. Только семена. Но у нас есть фермы по разведению местных даксов.

– Но они же маленькие, сколько там мяса? Грамм триста в каждом?

– Увы, выбирать не приходится...

– А вы обращались к Крис? Если бы она знала ваше бедственное положение, я уверена, смогла бы помочь.

– Несколько раз... Первый был тогда, когда у нас сломался синтезатор. Мы просили запчасти для починки. Следующий раз – когда ввели у себя продовольственные ограничения. Мы просили... – Люк запнулся. – Даже не так, мы хотели купить или обменять на что-то нужное вам. Потом еще несколько раз... Последний – когда мы узнали по своим источникам, что ваши разработки высадки под открытым небом успешны. Каждый раз Крис отвечала – нет.

– Не может этого быть, – уверенно произнесла я, – если бы Крис знала о том, что люди голодают...

– Она знала, – ответил Люк, – наши делегации раньше регулярно посещали Александрию, пока она не окружила город забором и не ввела запрет на проникновение в город, а также на уход их него.

– Что? Какой уход? – Я округлила глаза. Мужчину перекосило.

– Нина! Ты что, пятнадцать лет жила в коконе? Ты вообще знаешь, что происходит на Рапиде? – повысил голос Люк, тон его был донельзя раздраженный. Я непонимающе помотала головой.

– Ваши жители регулярно бегут из Александрии к нам. За последние два десятка лет мы приняли более тридцати тысяч. До того как Крис построила стену, естественно.

– Я не верю тебе, – потрясенно прошептала я, – наши жители бегут к вам? Бред.

В голове царил сумбур. Я жила с полной уверенностью, что в Александрии все прекрасно. Жители всем довольны, счастливы и благополучны. Работают по своему выбору, живут в изобилии и достатке. По крайней мере, Крис утверждала, что так оно и есть. А я... Моя жизнь

после школы была закольцована. И крутилась только вокруг института и общежития, где жила. Я и в город по делам выбиралась всего несколько раз за год, и то в закрытом институтском аэромобиле. Я судорожно вспоминала, видела ли я гуляющих по улицам детей? Взрослых?.. Не помню. Работа, исследования поглотили все свободное время. А последний год я даже месяцами не приходила домой, ночуя в своем кабинете.

– Нина, – напряженный голос Люка выдернул меня из раздумий, – через час рассвет. Решайся.

Я растерянно передернула плечами. Всю жизнь я жила по указке Крис. Делала то, что она скажет, старалась добиться скупой похвалы, признания... Другой жизни я не знала и считала это нормой. Я никогда не задумывалась, что моя жизнь бедна на события и эмоции. Что сколько я себя помню (а это где-то с трех-четырех лет), я все время чему-то училась. Зубрила, решала задачки, читала научные труды. Только однажды. Пятнадцать лет назад.

– Хорошо! – с удивлением услышала я свой ответ, словно кто-то другой сказал его вместо меня. – Я поеду. Только ненадолго. Через пару дней ты отвезешь меня обратно.

Лицо Люка озарила широкая улыбка.

– Нина! Как я рад! – Он пылко шагнул ко мне, раскрывая руки. Я испуганно отступила назад, уклоняясь от объятий.

– Давай без нежностей, – мой дрожащий голос выдавал волнение, – я делаю это ради голодающих детей, а не для тебя. Скоро рассвет, нужно поторопиться.

– Иди за мной, здесь близко, – руки Люка опустились. Он быстро развернулся и пошел в темноту искусственной рощи. Я ринулась за ним, по пути выключая маячок, встроенный в коммуникатор. Если Крис захочет меня найти, ей это не удастся.

Мы шли в сторону недавно открытых шахт на окраине Александрии. И забор действительно был. Он мерцал вдали, окружая город светящейся трехметровой стеной, и я даже немного испугалась, как мы проберемся на ту сторону. Возле шахты нас встретил одетый в рабочий комбинезон мужчина. Его лицо было закрыто респиратором (наверное, чтобы потом я не смогла рассказать Крис, как он выглядит). Молча, показывая дорогу знаками, он повел нас за собой. Лазейка была внутри шахты. То ли магнитное поле, то ли природная аномалия, но небольшого разрыва нам хватило, чтобы пролезть на ту сторону.

– Как же я вернусь обратно? – прошептала я испуганно, когда мы выбрались на поверхность.

– По периметру забора есть камеры, я покажу места. Станешь напротив одной из них, Крис откроет двери для своей любимицы... – насмешливо произнес Люк, не останавливаясь ни на миг.

«Боюсь, после моего побега Крис надолго потеряет ко мне расположение», – подумала я и промолчала, потом тряхнула головой, прогоняя панические мысли, и устремила за Люком.

Мы летели на небольшой скорости на высоте не более двух-трех метров от поверхности земли. Почему мы не поднимались выше, я не спрашивала, наверное, на это были свои причины. Люк сосредоточенно вел транспортник, казалось, забыв обо мне.

– А кем ты работаешь? – поинтересовалась я через некоторое время. – Есть у тебя специальность, кроме воровства, конечно?

– Я художник, – ответил Люк. Я не удержалась и насмешливо хихикнула.

– Художник? – повторила я саркастически. – У нас в Александрии нет художников. Более бесполезной профессии я не знаю. Ты что, картинки рисуешь?

Люк бросил не меня ироничный взгляд. Мне показалось, что его забавляет моя насмешка.

– И картинки тоже... Еще я мэр Парижа. Третьего по величине города людей.

– Людей?! А мы тогда кто? – гневно произнесла я, сузив глаза. – Машины?

– Хорошо, хорошо. Успокойся, – криво улыбнулся Люк, – просто мы сами себе хозяева, и нами не управляет программа.

– То, что нами управляет Крис, не значит, что мы роботы, – отрезала я сердито.

– Но вы же тоже называете нас «дикие»? – приподнял брови мужчина. – Можно поинтересоваться, почему?

Я медленно выдохнула и постаралась успокоиться.

– Ладно, проехали, – произнесла примирительно, – и сколько у вас всего городов?

– Семь, – ответил Люк и, увидев мои округлившиеся глаза, пояснил: – Мы выбрали другой путь развития. В отличие от вас мы не развиваем один мегаполис, а строим небольшие города вблизи водоемов. Они все соединены между собой транспортной сетью вдоль крытых теплиц.

– Э... И сколько всего жителей?

– Около двух миллионов, – ответил Люк. Я надолго замолчала, пытаюсь переварить услышанное.

Наша Крис на последнем ежегодном собрании сообщала, что в Александрии живет полтора миллиона человек. Хвалилась: население постоянно растет и развивается. Я особо не интересовалась количеством народа, у меня на тот момент в голове были другие проблемы. Но если включить простую математику, то получается интересная картинка. Два столетия назад общая численность населения составляла чуть больше миллиона. Если примерно подсчитать, получается, за шесть-семь поколений цифра должна была увеличиться минимум в четыре раза. У нас нет войн, убийств, эпидемий, голода. Тогда почему сейчас в Александрии полтора миллиона человек? Я перевела потрясенный взгляд на Люка. Он ответил кривой усмешкой.

– Что, удручающая картина, Нина? – произнес мужчина.

– Но почему?... – начала я формулировать свой вопрос, но Люк вскинул правую руку, заставив меня замолчать.

– Мы подлетаем, – негромко произнес он и кивнул вперед. Я устремила взгляд на открывающуюся панораму столицы «диких», – о демографии поговорим в следующий раз. Надеюсь, у нас будет время.

Город был небольшим. С высоты трех метров можно было увидеть вдалеке завершение жилых районов. Состоял из нескольких кварталов невысоких домов, сгруппированных вокруг квадратной площади. Перед ней возвышался немного измененный остов части жилого комплекса древнего корабля «Странник». Я видела его на картинках в учебниках, да что говорить, у нас в центре стоял такой же. Ранее в нем жили первые поселенцы, а сейчас там находились библиотека и музей.

– Вон то двухэтажное здание песочного цвета – наш институт, – вскинул руку Люк, помогая мне выйти через шлюз. Я невольно покачнулась.

В голове давно перепутались короткие день и ночь, я забыла, сколько суток не спала и не ела. Свет и тьма слились в одну непрекращающуюся череду драматических событий.

– Ты устала? – Люк обеспокоенно заглянул мне в глаза. – Может, сначала отдохнешь? У меня есть комната в институте. Но сначала зайдем в столовую, перекусишь.

– Нет, – твердо произнесла я, – проводи меня в институт, покажи лабораторию. Я пришла не отдыхать.

– Работа прежде всего? – насмешливо фыркнул Люк. – Ты всегда была упряма до невозможности.

Я только небрежно пожала плечами и направилась к указанному зданию.

Яркое утреннее солнце нещадно било в глаза. Мы быстро шли через площадь. Немногочисленные прохожие с озабоченными хмурыми лицами оборачивались нам вслед. Некоторые кивали Люку, как старому знакомому. Стараясь не показывать столь явного любопытства, я вертела головой направо и налево. Дома были построены из кирпича и глины. И возвышались

максимум на три этажа. Все было крошечное, миниатюрное. Маленькие домики с разноцветными крышами, узкие полосы клумб с местными растениями, лавочки, беседки. В Александрии такого не было. Зачем людям отдыхать на улице? Бездельничать? Улицы предназначены для передвижения домой или на работу.

– Тебе все-таки удалось ее уговорить, – с улыбкой произнес молодой мужчина, встретив нас в коридоре, – ну-ка, дай я посмотрю на знаменитого ученого Александрии. Она не только умница, но и красавица!

Мужчина поклонился и с широкой улыбкой протянул руку. Я не могла не улыбнуться в ответ.

– Здравствуйте, – смущенно пробормотала я, пожимая его ладонь. Оказывается, обо мне знали здесь?

– Позвольте представиться, Томас Дробышев, профессор математики и учитель этого оболтуса.

Я с удивлением уставилась на Люка.

– Ты же говорил, что художник?

– Рисовать – это то, чем бы я действительно хотел заниматься в жизни, – наигранно вздохнул он, – а приходится перепрограммировать камеры и воровать девиц.

– Не слушай его, Нина, – произнес профессор, – он прекрасный электронщик и отличный программист. Единственный, кто вызвался пробраться в ваш неприступный бастион. Наверное, знал, негодник, какие девушки там живут. У нас таких нет.

Я переводила ошеломленный взгляд с одного мужчины на другого. Никогда не слышала, чтобы так разговаривали у нас. Одновременно и шутливо, и дружески, и насмешливо. Они дурачились, втягивая меня в свою перепалку.

– Не пугай Нину, – заулыбался Люк, – она серьезная девушка и еще не определилась, умеем ли мы читать и писать. Стоит ли с нами вообще разговаривать.

Я возмущенно посмотрела на Люка. Он лукаво подмигнул.

– А кто совсем недавно называл нас дикарями? – произнес он хитрым тоном, развернувшись к профессору, словно ябедничая на меня.

– Я не думала... – От смущения я не знала, что сказать, в итоге покраснела и опустила глаза.

Профессор совсем не обиделся на «дикарей», наоборот, казалось, это его еще больше развеселило. Балагурия и расточая комплименты, он подхватил меня под руку и завел в огромный светлый кабинет, где нас уже ждали. Опять начались приветствия и улыбки. Меня окружили молодые студенты, рассматривая, как диковинку. Я от такого напора окончательно растерялась. У нас в Александрии не поощряются громкий смех и столь явный показ чувств.

– Сначала ее нужно покормить, – громко произнес Люк, протискиваясь в наш круг и настойчиво расталкивая локтями парней, – подождете еще полчаса, мы в столовую.

– У нас есть пара бутербродов, – заявил черноволосый парень, а рядом стоящая девушка добавила: – И термос с коктейлем.

– Мне хватит, спасибо, – тут же откликнулась я, боясь, что Люк сейчас схватит меня в охапку и потащит в столовую. И чтобы окончательно не растаять от такого внимания, строго произнесла: – Давайте уже начнем.

К нам подошел профессор.

– Люк, ты вроде собирался сегодня встретиться с Питером, – многозначительно произнес он, – они закончили тестирование двигателей. Ждут только тебя.

– Да... Конечно... – пробормотал Люк задумчиво, смотря в одну точку где-то в районе моего плеча. Потом встряхнулся и добавил громче: – Нина, мне пора, не скучай, заберу тебя вечером. Пока, ребята. Не обижайте мою девушку.

Я не успела возмутиться такому нахальству, как он чмокнул меня в щеку и направился на выход. Ну и наглость! С каких это пор я его девушка? Я обвела глазами притихший народ и посчитала ниже своего достоинства что-то объяснять.

– Давайте приступим наконец к работе, время дорого. Показывайте, где у вас лаборатория.

Сначала теория, потом практика. Видно было, что разработки в области биоинженерии почти не велись у «диких». Пришлось разжевывать и показывать на пальцах весь процесс введения генома. Горло першило от бесконечной говорильни. Меня периодически подкармливали тостами с каким-то странным на вид, но съедобным паштетом и горячим витаминным коктейлем. Когда студенты принялись самостоятельно изготавливать первую партию семян, я наконец смогла расслабиться и понаблюдать за жителями Лондона.

Были среди них и молодые, и пожилые. И мужчины, и девушки. Одно общее – все они были худенькие. Можно сказать даже, тощие. Если Люк говорил правду, то скудно питаются они уже несколько лет. Но тем не менее настроения это им не испортило. Они оставались жизнерадостными и веселыми людьми. Они дружески подшучивали друг над другом, со мной вели себя так, словно между нами нет никаких различий и мы просто встретились после недолгой разлуки. Словно Александрия и Лондон – это один дружный мир, живущий в согласии и гармонии.

А я... До недавнего времени я вообще не знала, что где-то рядом, всего в нескольких часах езды, есть еще одна цивилизация. Все было в новинку и в то же время обычно. Такие же люди, как и у нас, такие же лица, веселые, грустные, задумчивые, озабоченные.

– Знаешь, мои родители тоже сбежали из Александрии, – таинственно прошептал мне молоденький студент, сидящий рядом. Я сжала губы от внезапно возникшего раздражения.

– Прочему «тоже»? Я не убегала... – ответила ровно. Парень мгновенно растерялся и покраснел.

– И почему же сбежали твои родители? – со вздохом спросила, откинувшись назад.

– Им запретили жениться... Крис запретила. Сказала, что выбрала для них другие пары. Вот они и сбежали, – победно закончил юноша. – А тебе Крис тоже подобрала жениха?

– Нет, не подобрала, – буркнула я, немного покривив душой, уж очень хотелось обелить нашего президента, – смотри лучше в микроскоп, а не болтай.

Мне было обидно за нашу Крис. Неужели здесь думают, что мы живем в Александрии под гнетом диктатуры и тирании? Как жутко выглядит это со стороны...

Стемнело во второй раз. Я уже с ног валилась от усталости. Голос пропал, глаза слипались, не помогали ни энергетические напитки, ни сознание того, что я не все рассказала и работы еще много. Я на минутку присела в кресло, закрыла глаза и сразу же почувствовала, как уплываю.

– Поехали, переночуешь у меня, – тихо произнес Люк, внезапно появившись сзади. Я неуверенно обернулась.

– Я могу здесь перекаптоваться, в кабинете... Нам осталось немного, завтра будут результаты, и ты отвезешь меня домой.

– Тебе нужно нормально отдохнуть, – буркнул Люк, – ты как минимум четверо суток не спала.

– Иди, иди, красавица, – подошел вездесущий профессор, – у Люка со старых времен осталась комната в общежитии, он в ней живет, когда приезжает в столицу. А приезжает он часто.

Люк взял меня за руку и потянул на себя, я безвольно побрела за ним, не было ни сил, ни желания сопротивляться. Мы молча перешли небольшую внутреннюю площадь. Впереди показались двухэтажные коттеджи. Дома для преподавателей? Или студенческие общежития? Вдруг мне в голову пришла неожиданная пугающая мысль. Я даже проснулась от испуга.

– Ты женат? – Вот будет неловко, если сейчас в коттедже я познакомлюсь с его пассией. Люк остановился и изумленно посмотрел на меня.

– Ну я в смысле... Не помешаю ли я тебе... – добавила я смущенно. – А то вдруг...

– Нет, – со смешком ответил мужчина, – ты не помешаешь... Я один.

– Но ведь тебе уже... – Я на секунду задумалась, подсчитывая: – Тридцать? У вас разве не принято?

Я окончательно запуталась в вопросах. Хорошо, что было темно, и Люк не видел моих покрасневших щек.

– А ты? – весело поинтересовался Люк. – Я слышал, Крис заставляет вас жениться и выходить замуж чуть ли не с восемнадцати. Как же ты избежала такой участи?

– Я была занята исследованиями, – буркнула я тихо и добавила обиженно: – И не такая уж Крис у нас и монстр.

– Вот мы и пришли. – Люк открыл толстую стеклянную дверь, приглашая внутрь. Я вошла в фойе маленького общежития, с интересом оглядываясь. Здания у «них» почти ничем не отличались от зданий у нас. Только количеством этажей. Наверное, из-за того, что мы строили дома с каркасами из карбида и полистирольных блоков (у нас еще остался один работающий химический завод), а они из обычных кирпичей, которые производили из глины Рапиде. Поэтому наши дома были высотой в десять-пятнадцать этажей, а у них не более трех-четырех.

Четыре комнаты на первом этаже, четыре на втором. Немного, но уютно. Мне даже показалось, уютнее, чем наше десятиэтажное общежитие с двадцатью комнатухами на каждом.

Так, стоп. Куда меня сейчас заведут мысли? Вдруг мне еще понравится здесь жить?

– Располагайся. – Люк отрыл вторую по коридору дверь и пропустил меня вперед. Я внимательно огляделась.

– Ты здесь почти не живешь, – утвердительно произнесла, рассматривая спартанскую обстановку.

– Кровать одна, расстилается автоматически, – Люк показал, где спальня, – я переночую у Питера, он живет в соседнем коттедже. Как проснешься, дай знать... – Мужчина показал на вмонтированное в дверь табло интеркома. – Питер Хант, коттедж номер 2. Спокойной ночи, Нина.

– Спасибо, и тебе спокойной ночи, – ответила я.

Люк еще постоял несколько секунд, словно раздумывая над чем-то. Потом кивнул сам себе и вышел за дверь. И как мне не было интересно посмотреть на квартиру Люка Донавана, я оставила это на потом. Сил хватило только на то, чтобы раздеться и дойти до спальни.

Когда я проснулась, было темно. Я с трудом нашла кнопку освещения в незнакомой обстановке. Сколько же я проспала? На столике возле кровати стояли пластиковые контейнеры с очередными худенькими тостами и термос с коктейлем. Значит, заходил Люк и не стал меня будить. Не успела я привести себя в порядок, как раздалась трель интеркома и голос Люка произнес: «Нина, доброе утро, я зайду через пять минут». У него что, здесь камеры?! Я перепуганно обвела глазами углы комнаты и потолок.

– Нет у меня камер, – ответил Люк на мой возмущенный крик, встретивший его у порога. – Когда я заходил в последний раз, просто поставил датчик движения, чтобы не ходить по десять раз.

И видя мое непонимающее лицо, пояснил:

– Ты спала двое суток. Я пару раз зашел и, чтобы больше не тревожить тебя, поставил датчик. Как только ты встала, я увидел и позвонил.

– Боже мой, что подумает Крис! – ужаснулась я, обессиленно садясь на кровать. – Я так долго отсутствую. Она будет переживать.

– Она программа, – Люк на меня странно посмотрел, усаживаясь напротив, – набор кодов и алгоритмов. Она не может переживать или тревожиться. Ты слишком ее очеловечиваешь.

Я возмущенно вскинула голову.

– Не говори так! Она меня вырастила, помогала мне, обучала меня. Она мой лучший друг, наставник и... – Я запнулась.

– Договаривай, – вкрадчиво произнес Люк, прищутив глаза, – и... Родитель? Мать? Отец? – Я хмуро смотрела на мужчину. Он криво усмехнулся. – Вот оно что. Как все запущено. Оказывается, у тебя не было нормальной семьи, Нина. Тепло родных и друзей тебе заменила программа. Что у вас там происходит в Александрии?

– У нас все хорошо, – отрезала я, – может быть, с твоей стороны это и выглядит жалко, но меня все устраивает. Крис прекрасно воспитала и вырастила меня. Я ей благодарна.

– А то, что ты похожа на ледышку со стороны, это тебе не мешает? – прервал мою хвалебную речь Люк. – Ты окружила себя стеной и шарахаешься любого проявления внимания.

– Неправда! – нахмурилась я. – У меня есть друзья! Родители, коллеги, жених!

Услышав последнее слово, Люк сжал губы.

– Жених? – Он приподнял одну бровь. – Сама выбирала или Крис?

– Какая разница? – сквозь зубы процедила я. – Мы будем до утра болтать или все же пойдем в институт?

Люк кривовато усмехнулся и встал.

– Конечно, – произнес ровно он, – Томас звонил четыре раза, они ждут в лаборатории.

– Тогда не будем заставлять их ждать. – Я резво вскочила и направилась к двери, стараясь уйти от неприятного разговора. Люк вышел за мной. Мы молча шли по коридору, потом через площадь. Внутри засело неприятное чувство – разговор не закончен. Мы не все сказали друг другу. Эта неопределенность висела над головой как плотная пелена, ее можно было пощупать руками.

– А какой ты была милой девочкой в двенадцать лет, – вкрадчиво произнес Люк, невольно касаясь локтя, – смелой, решительной. Даже первой поцеловала меня.

Я резко остановилась и обернулась к Люку, пылая от возмущения.

– Я поцеловала?!

– Ну да, – улыбнулся Люк, хитро прищурившись, я заметила насмешливые искорки в глубине глаз, – набросилась на бедного мальчика с поцелуями, я потом спать не мог, переживал. Даже сбежал из дома, пробрался в Александрию, чтобы разыскать девочку Нину.

Ему удалось меня отвлечь. Он что, специально? Я стояла и глупо хлопала глазами. Меня переполняло удивительное чувство. Стало тепло и радостно, словно наступил праздник или я сделала важное научное открытие. Неужели пара фраз, сказанные мужчиной, могут сделать меня счастливой больше, чем похвала Крис или очередное гениальное изобретение? Странно.

– Правда? – уже тише произнесла я. – Ты искал меня?

– Целую неделю, – хмыкнул Люк, – но в миллионном городе это было непросто. В инфотабло ввести запрос я не мог, у меня не было допуска, просто бродил от одного дома к другому, спрашивая, пока не кончилась еда. Когда меня нашел отец, я уже был и сам не рад, что полез в Александрию, – добавил он, подмигивая.

Я смущенно улыбнулась.

– Я... тоже думала о тебе, – выдавила тихо.

– Эй! Что вы там стоите посреди площади? – заорал зычный голос профессора из окна. – Вас давно ждут. Сколько можно?!

Я вздрогнула и очнулась от сладкого тумана, окутавшего мозг.

– Ну вот, – произнес Люк со смешком, – даже с девушкой не дадут позаигрывать. Друзья, называется.

– Не нужно со мной заигрывать, – холодно бросила я, – не за этим я приехала сюда.

И широко шагая, потопала в главный корпус.

– Опять выпустила колючки, а только-только стала похожа на человека, – сзади пробормотал Люк, но я не обратила на его слова никакого внимания.

Образцы проросли. Студенты встретили меня радостными улыбками и овациями. Я проверила семена, добавила несколько минералов в оболочку и расписала план действий на ближайший месяц.

– Осталось перенести формулы на диск и автоматизировать процесс, – тряс мою руку профессор, – это мы сделаем сами. С электронщиками у нас все в порядке, не то что с генетиками. – Я смущенно топталась посреди лаборатории, окруженная со всех сторон кольцом шумного народа. Люк прикрывал спину. Профессор все никак не успокаивался: – Вот если бы занять нам такого специалиста.

Я сделала вид, что не понимаю его намеков.

– Мне, пожалуй, пора в Александрию, – произнесла я твердо, – спасибо за радушный прием. Было приятно с вами пообщаться.

– Как жаль, как жаль, – охал профессор, – я надеялся, что вы побудете чуть дольше. Я бы познакомил вас с нашим президентом, показал теплицы... Кстати, – мужчина взял со стола маленькую флешку, – мы приготовили вам небольшой подарок.

Я с удивлением уставилась на его ладонь.

– Что это? – Даже не знаю, возмущаться или нет. Ведь я работала бесплатно, не надеясь на награду. Профессор пожевал губами и серьезно произнес:

– Нина, рассказывал вам Люк или нет, но когда мы просили Крис поделиться с нами семенами, мы собирались обменять их бартером. Наши ученые нашли способ делать энергетические батареи на основе магнитного поля Рапиде. Они гораздо лучше солнечных. И вот здесь полная документация по ним, чертежи, схемы, формулы. Отдай их тому, кто занимается у вас энергетикой, он сразу все поймет.

– Маме, – прошептала я, – я отдам их маме, она у меня работает в энергетическом секторе. Но как же... Я не собиралась ничего у вас брать.

– Возьми как подарок, – заулыбался опять профессор, – и мы ждем тебя в гости. Дорогу ты знаешь.

Я задумчиво обвела глазами лабораторию. Мужчины, женщины, юноши и девушки молча смотрели на меня и словно чего-то ждали. Я тяжело вздохнула и неуверенно произнесла:

– Тогда прощайте и всего хорошего, – развернувшись, посмотрела на Люка, – ты меня отвезешь или кто-то другой?

Тот прищурил глаза.

– Я никому не доверю такой ценный груз, – ну вот опять начинает ерничать! А только что был такой серьезный, – придется тебе еще часа два терпеть меня поблизости от своей персоны.

На душе почему-то было грустно. Неужели я привязалась за короткие четыре дня к «диким»? Окунувшись в их дружеское тепло, радушие, теперь понимаю разницу между моим миром и ими? В голове царил сумбур. Люк шел рядом и молчал.

Когда мы сели в транспортник, я отвернулась к иллюминатору и прикрыла глаза, сделав вид, что устала. Но не тут-то было. После того как Люк включил автопилот, он развернул мое кресло к себе и уселся напротив.

– А теперь пришло время поговорить, – заявил он уверенно.

– О чем? – Я испуганно округлила глаза. Только разговоров по душам мне не хватало. И так внутри царил разброд. Сердце сжималось от неясной тоски.

– О демографии, о Крис, об Александрии, о твоей зажатости, неуверенности, испуге... – начал загибать пальцы Люк, я нахмурилась.

– Еще скажи, что мне показалось? – продолжал он. – Я наблюдал за тобой. Как только кто-то к тебе подходил сзади – ты вздрагиваешь, как только тебе говорят комплименты, неважно

какие, самые шутливые и ничего не значащие, ты смущаешься, краснеешь и пытаешься исчезнуть с горизонта. Ты что, никогда не разговаривала с мужчинами?

– Конечно, разговаривала! – отрезала я возмущенно.

– Ах да, – Люк двусмысленно изогнул бровь, – у тебя же есть жених. – И выжидающе уставился на меня. Я окончательно растерялась.

– Давай лучше поговорим о демографии, – произнесла я серьезным тоном через пару секунд, старательно переводя разговор на другую тему, – что происходит, Люк? Если нет внешних неблагоприятных факторов, то население должно увеличиваться в геометрической прогрессии. А у нас в Александрии полтора миллиона населения. Допускаю, хотя и под большим вопросом, – сделала небольшое отступление я, – беженцы есть. Не знаю, бегут ли от вас к нам, но что из Александрии бегут, я уже выяснила. Но все равно, в масштабах цивилизации это единицы.

– Дошло, наконец? – Люк наклонился вперед и прошептал прямо мне в лицо. – Люди вырождаются, Нина.

Я непонимающе смотрела в его глаза.

– Как вырождаются?

– Очень просто. Рапиде не подходит нам как планета. Ни по магнитному полю, ни по короткой продолжительности дня, ни по другим параметрам. Наши ученые выяснили, что цивилизация приходит в упадок. За три сотни лет продолжительность жизни каждого человека сократилась в среднем на десять-пятнадцать лет. А что будет еще через тысячу? Плюс болезни, высокая детская смертность и врожденные отклонения. Скоро мы будем жить как местные даксы – один рапиданский год.

Я отрицательно замотала головой, словно хотела стряхнуть с себя шок от его слов.

– А что до развития промышленности и науки... – Люк грустно хмыкнул, – на Рапиде нет полезных ископаемых, которые мы знаем и можем использовать. Возможно, есть другие, но нам некогда разбираться и исследовать недра – все людские ресурсы брошены на выживание и пропитание. А ученых слишком мало. Таких, как ты – единицы, как бы ты ни старалась, все дыры в науке не заткнешь одним вундеркиндом.

– Я не верю тебе, – прошептала потрясенно я, прервав тираду Люка, – Крис постоянно говорит, что мы растем и развиваемся, что прогресс налицо, что благосостояние растет. Она бы не стала держать такое в тайне.

– Крис в курсе. Она не может не знать. Мы много раз посылали ей сообщения и предложения об... – Люк запнулся, помолчал пару секунд и продолжил, – но она все игнорировала.

– Подожди, – пробормотала я, – мне нужно подумать.

Люк взял мою ладонь и крепко сжал. Его пальцы поглаживали кожу, нежно-нежно, почти невесомо, и мои мысли почему-то сразу же потекли в другом направлении. Никто никогда меня не ласкал, никто не гладил. Просто так, успокаивая, даря тепло и участие. Захотелось уткнуться в его ладонь лицом и замереть от блаженства... Я тяжело вздохнула и подняла глаза.

– Даже если ты и прав, – произнесла сухо, – Крис все верно делает, что не сеет панику среди населения. У нас нет другого выхода, только жить и работать дальше. На нашей планете, в этом мире. Мы не можем забрать всех людей, посадить на корабль и улететь с планеты... Ты это понимаешь? У нас нет выхода!

– Есть, – твердо произнес Люк, сжав мою ладонь, – есть выход.

– Какой? – я округлила глаза. – Планету не переделать. У нас нет таких мощностей, чтобы замедлить ее оборот или уменьшить магнитное поле. И корабля нет, такого, какой мог бы вместить более трех миллионов человек, – отрезала зло, словно это Люк был виноват в наших бедах.

– Пять лет назад мы запустили спутник, – начал говорить он, не обращая внимания на мою злость и пылающие щеки, – так уж сложилось, что у нас сильная кафедра электроники. Мы создали небольшой компактный разведывательный бот.

– Зачем? – прервала я его. – Чтобы шпионить за нами?

– И для этого тоже, – согласно кивнул Люк, – но в основном разведать обстановку на орбите... Ты знаешь, что «Странник» состоял из нескольких частей, – я кивнула, это все знают, этому учат в школе, – так вот. Два огромных жилых отсека, заводы, фабрики, ангары, грузовые шахты и прочее сели на Рапиде... А на орбите остался небольшой командный центр управления.

– На орбите летает часть «Странника»? – потрясенно произнесла я. Воистину сегодня день открытий!

– Мы запустили спутник, чтобы проверить, там ли он еще. За триста лет многое могло случиться.

– И что? – спросила я возбужденно.

– Там, – с улыбкой кивнул Люк, – правда, через несколько минут после обнаружения командного отсека Крис вошла в программу управления спутником, и мы больше не получали от него сигналов...

– Крис уничтожила ваш спутник? – Я не могла в это поверить. – Но почему? Зачем это было нужно?

– Потому что, дорогая Нина, – заговорщицки прошептал Люк, – за тот час, что спутник находился на орбите, он принял еще один сигнал, и он явно был не из командного центра или от Крис...

Я заворуженно уставилась на Люка.

– Дословно, – он откинулся на спинку кресла с победным выражением на лице, – «Всем, кого это может касаться. Пропавшие корабли „Юпитер-2“, „Странник“, „Кеньон“. Включите аварийный передатчик в командном центре. Или пошлите сигнал любым удобным для вас способом на любой частоте. Мы найдем вас». И так далее по кругу... Возможно, этот сигнал передается уже сотню лет, а мы слышали его только сейчас.

– Я не понимаю, – пролепетала я, – как они могут слать сигнал так далеко? Это же миллиарды и миллиарды километров.

– Нина! – Люк опять схватил меня за руку, словно не мог усидеть на месте и ему нужно было за что-то ухватиться. – Ты понимаешь! За четыреста лет на Земле, откуда мы улетели, могло произойти что угодно. Они могли развить науку до такой степени, что открыли перемещения в пространстве быстрее, чем на атомных двигателях. Они могли захватить близлежащие галактики и уже колонизировали сотни планет, а мы сидим здесь, на этой чертовой Рапиде, на которую не позарится даже самый последний идиот, и ничего не знаем!

Люк изо всей силы стукнул кулаком по подлокотнику кресла. Я вздрогнула от неожиданности.

– И что же делать?

– Мы построили еще один спутник, но он даже не вышел на орбиту, – Люк взял себя в руки, и теперь его голос звучал более-менее спокойно, – Крис уничтожила его сразу же.

– Зачем ей это? – непонимающе уставилась я на него. – Скорее всего ошибка в управлении, и Крис ни при чем.

– Ты по-прежнему ее защищаешь! – выдохнул Люк и вдруг щелкнул пальцами перед моим носом, я отшатнулась. – Проснись, Нина! Хватит прятать голову в песок! Твоя Крис совсем не добрая тетюшка, какой ты ее себе вообразила. Она глушит сигналы с поверхности земли, сбивает наши спутники, не дает послать сигнал бедствия...

– Ты не прав! – почти кричала я. – Крис дала мне все, она воспитала меня, не родители, которых я не видела по несколько недель, не школа, в которой меня дразнили, потому что была самой маленькой и слабой. Она учила меня, давала советы...

– Как воспитать в себе бездушного робота? – проскрежетал зубами Люк. – Как забыть о своей личной жизни и отдать все свободное время работе? Как найти себе такого же ботаника и даровать Крис еще парочку вундеркиндов?

Я гневно сжала губы. Когда слышишь это со стороны, все выглядит таким уродливым и страшным.

– У нас тяжелое время. Мы должны работать...

– Чушь! – отрезал Люк. – Время всегда тяжелое, оно было тяжелым двести лет назад и будет тяжелым через сто лет... Это не значит, что все люди должны забыть о своем собственном счастье, любви, мечтах.

Я задумалась, отвернувшись к иллюминатору. Что я знаю о счастье? И тем более о любви? Ничего. Самым близким человеком у меня всегда была и есть Крис. Еще были теплые воспоминания о мальчике, который подарил мне первый поцелуй... Эх. Для меня это одно из самых прекрасных переживаний, которые я бережно хранила в памяти. Для него, наверное, очередное незначимое событие. Одно из многих.

Я даже не задумывалась, почему моя жизнь так бедна на радостные мгновения. Я и не знала другой жизни. Я всегда училась, работала, изучала, изобретала. Последние пять лет даже ни разу не была в кафе или ресторане. Да что говорить, количество приходов домой – по пальцам перечесть.

– Хорошо, – я постаралась взять себя в руки и успокоиться, – что ты предлагаешь? У тебя есть план? Зачем ты все мне это рассказываешь?

– Да, у меня есть план, – ответил Люк возбужденно. – Нина! Мы могли бы вырваться из этого круга! Могли бы дать знать землянам, что мы здесь, пленники Рапиде, что медленно умираем... Но твоя Крис... – Люк чертыхнулся в сторону...

– Какой план? – пропустила я мимо ушей ругательство, слишком мне было любопытно.

– Я расскажу, – произнес он серьезно, – но сначала ответь мне... Ты смогла бы бросить Александрию, свой институт и поселиться у нас?

Я не поверила своим ушам.

– Ты мне предлагаешь предательство?

– Какое это предательство? – фыркнул Люк. – Там люди, здесь люди. Тем более мы никогда не стремились прятать наши разработки и изобретения. А значит, все твои работы, если они будут, останутся в свободном доступе. Что тебя ждет в Александрии, Нина? Бездушная машина вместо матери? Бесконечная изнурительная работа? Одиночество? Жених, подобранный тебе по параметрам машиной?

«Это он еще не знает об искусственном оплодотворении, на котором настаивает Крис», – подумала я, но ответила совсем другое.

– А что меня ждет у вас? – произнесла бесстрастно. – Та же работа, выживание, чужие лица вокруг. И мне кажется, вам просто нужен специалист по генетике моего уровня.

– Нам нужен специалист, – согласно кивнул Люк, – но это не главная причина, по которой я предлагаю тебе остаться... Чужие люди очень скоро станут своими, коллеги – друзьями. А еще у тебя есть я, – я удивленно посмотрела на улыбающееся лицо Люка, – мы знакомы бездну лет, стыдно говорить, что я тебе чужой.

Я смутилась. Трудно назвать бездной лет короткий летний месяц.

– В Александрии точно такие же люди, как и у вас. Они так же хотят есть, пить, жить. Какая разница? – ответила несмело.

– Если нет разницы, тогда выбери то место, где будет лучше тебе.

– Я не знаю... – растерянно прошептала, словно действительно раздумывала над его словами. Да о чем это я? Неужели я хоть на миг могу представить себе возможность предать Крис?

Люк напряженно смотрел на меня. В глазах застыло ожидание. Возможно, им действительно нужен специалист моего уровня, возможно, они так вербуют себе людей, заманивая добротой и участием... Комплиментами и улыбками. Я слишком плохо разбираюсь в психологии. А еще я просто боюсь.

– Я не могу предать Крис. Предать Александрию. Я возвращаюсь домой, – в конце концов произнесла я. Люк резко взвился с кресла, словно лопнула пружина. Особо бегать было негде – кабина транспортника представляла собой заставленное аппаратурой помещение два на два метра, но мне казалось, что Люк оббежал его несколько раз по периметру. Потом остановился напротив меня и уставился в глаза. Я заерзала, чувствуя себя неуютно. Он что? Обиделся на мой ответ? Я сорвалась с крючка? Неужели он рассчитывал, что после пары комплиментов я растаю и пойду за ним на край света?

– Так что у тебя за план? – напомнила я ему наш прерванный разговор. – Ты сказал, что вы знаете выход из ситуации с вырождением.

На секунду мне показалось, что Люк не ответит. Что мой отказ переехать жить к «диким» поставил жирный крест на наших дружеских отношениях. Пару минут в кабине транспортника стояла оглушающая тишина. Потом Люк тяжело вздохнул и опять сел напротив.

– Пообещай сохранить в тайне то, что я тебе сейчас расскажу, – серьезно произнес он.

– Обещаю, – ответила я быстро.

– После того как Крис уничтожила наши спутники, мы решили построить корабль. – Я ошеломленно смотрела на Люка. У них есть такие технологии? Они достигли таких высот?

– Нет, – правильно оценил Люк мое потрясение, – у нас нет возможности построить корабль наподобие «Странника» для межзвездных путешествий. Нет ни специалистов такого профиля, ни инструментов, ни материалов. Мы смогли построить только небольшой шаттл для выхода на околопланетную орбиту, и то почти все оборудование и чертежи трехсотлетней давности. Четыре года мы его строили, пришлось разобрать те части «Странника», что остались у нас. Новые только двигатели и еще кое-какая аппаратура...

– Все равно это огромное достижение, – произнесла я благоговейно, – вы молодцы. Не думаю, что у нас в Александрии смогут построить корабль.

Люк скептически улыбнулся.

– Могут, – хмыкнул он, – только Крис не хочет. – Я пропустила его комментарий мимо ушей. И почему он так плохо относится к Крис?

– Так вот, – продолжил Люк, – корабль почти готов. Неделя-две и можно будет трогаться в путь. Мы планируем выйти на орбиту, пристыковаться к командному блоку «Странника» и послать сигнал о помощи.

Я задумчиво смотрела на Люка. Неясные намеки профессора, слова самого Люка о том, что ему нужно завершить все свои дела... Дать людям еду перед тем, как он их покинет... У меня дрогнуло сердце.

– Ты собираешься лететь? – сложила дважды два я.

– Да, – просто ответил он.

– Но ты же сам говорил, что Крис уничтожает все ваши спутники, блокирует сигналы. А вдруг она повредит и ваш корабль? Вдруг... – Я замерла от ужасной мысли. Он же может погибнуть!

Люк отвел глаза и легко пожал плечами.

– Все может быть, – ответил он, – но у меня есть надежда.

– Какая? – тут же спросила я, неосознанно протянув руку и сжав его ладонь.

– В записях капитана, которые хранил его потомок, – Люк улыбнулся, – кстати, он живет у нас в Лондоне, вскользь упоминается, что программа КРИС не может напрямую причинить

вред людям, – и, видя мое непонимание, добавил: – То есть не может сама убить или покалечить человека. Вроде это было зашифровано в ее алгоритмах. Есть надежда, что за триста лет Крис не смогла обойти свою исходную прошивку.

– А если смогла? – прошептала я. Люк криво улыбнулся:

– Значит, моя миссия будет неудачной. Президент Эванс будет искать другие способы. Возможно, одним из них будет уничтожение Крис...

Я непроизвольно ахнула. Это невозможно!

– Если честно, я и раньше предлагал взорвать ее сервер, – произнес Люк виновато, – и если не будет другого выхода, мы поступим именно так...

– Но это же война? – пискнула я. Люк не ответил. Мы надолго замолчали, думая каждый о своем. Я оказалась между двух огней. Если Люк прав и люди вырождаются, то стремление «диких» вырваться из оков планеты оправданно. Но я не верила, что Крис мешает им. Она бы никогда не причинила вред людям. Значит, она просто не знает о проблеме...

– Ты еще не передумала возвращаться? – Люк крепко сжал мои пальцы. Я с удивлением уставилась на свои руки в его руках. Как они там оказались? Я попыталась освободиться, но Люк с легкостью удержал их у себя. Глаза смотрели ласково и пытливо. – Пойдем с нами, Нина... Будь со мной, – добавил тихо.

Мне так не хотелось разрушать то доверие и близость, что установились сейчас между нами, но я твердо ответила:

– Нет, Люк. Я возвращаюсь в Александрию.

Глаза его погасли. Он разжал руки и отвернулся к пульту управления. Мне вдруг стало холодно и одиноко. Дальше мы летели, отвернувшись друг от друга, в полнейшем молчании.

– Тебе придется пройти километр пешком, – произнес Люк, останавливая транспортник и открывая шлюз, – найдешь в ограде камеру, они вмонтированы в осветительные столбы по периметру, обратишь на себя внимание. Да и твой коммуникационный браслет будет действовать возле стены... Крис откроет ворота.

Кивнув, я вышла наружу, Люк выпрыгнул следом.

– Ну... Прощай, – я протянула руку. Люк грустно улыбнулся и сжал ладонь.

– Я надеялся на другой результат, – произнес он тихо, не отпуская руку, – но если вдруг захочешь... Или что-то случится, – Люк немного нервничал, – что угодно, знай – тебя ждут у нас. Транспортник я не могу оставить, он нужен в Лондоне. Завтра я пригоню скутер и оставляю вон за теми холмами.

Я посмотрела туда, куда он указывал.

– Пообещай, что подумаешь еще раз, – Люк пристально заглядывал в глаза. – Если меня не будет, обратишься к профессору Дробышеву... Обещай.

– Хорошо, я подумаю, – я старалась, чтобы мой голос не дрожал, – береги себя там, на орбите. И удачи.

Люк дернулся, словно собираясь обнять, но я вовремя отошла назад. Молча развернулась и потопала в сторону возвышающихся впереди зданий мегаполиса. А транспортник еще долго не заводил мотор.

Мне даже не нужно было привлекать к себе внимание. Как только я подошла к забору, Крис выключила ток в одной из секций. На секунду оглянувшись назад и увидев далекий огонек висевшего в воздухе транспортника, я решительно шагнула в Александрию.

– Как ты могла! Я думала, тебя похитили! Даже ноту протеста направила в Лондон! Оказывается, ты сбежала по собственной воле и передала мои разработки этим дикарям сама! – сразу же включенный коммуникатор захлебывался от гневных фраз. Наверное, эмоции были вложены в программу, так как в голосе Крис мне слышались неподдельные гнев и злость.

Я устало шла домой, опутив голову, тихонько бубня под нос:

– Я не могла иначе. Там голодали люди. Ты сама всегда говорила, что спасение жизни людей – наш главный приоритет.

– Ничего они не голодали! – воскликнула Крис. – Тебя обманули, как наивную девчонку. Они просто захотели украсть наши разработки... И переманить перспективного ученого в задачу.

– Но я же вернулась, Крис, – произнесла я в коммуникатор, – как меня ни уговаривали, я все же вернулась домой.

Крис замолчала, обдумывая мои слова.

– Ты права, Нина. Главное, что ты вернулась. Теперь отдыхай, поговорим завтра.

Крис отключилась, я поняла, что она взяла паузу, и мне еще предстояло выслушать немало упреков в свой адрес. Но сейчас меня это не волновало. Я чувствовала себя такой усталой и разбитой, что единственным желанием было упасть на кровать и не просыпаться месяц. Голова пульсировала от боли, в ушах еще стоял грустный шепот Люка: «прощай».

А вдруг он был искренним? А вдруг он не врал? Вдруг на первом месте была не потребность занять себе талантливого генетика, а... Что? Я подавила в себе вспыхнувшую радость от пронесшегося в мыслях слова «любовь». Нет, этого не может быть. Люди не влюбляются так быстро...

Я всю жизнь мечтала о любви, жаждала ее от родителей, потом пыталась выслужить у Крис... Возможно, и сейчас я вижу ее там, где ее нет на самом деле?

Я открыла дверь и вошла в свою квартиру. Не раздеваясь, упала на кровать. Почему-то хотелось плакать...

– Пап, ты знаешь, что Крис вокруг Александрии поставила забор? – Попытка выпытать что-то у мамы не принесла успеха. Она схватила принесенную мной флешку и сразу же бросилась к компьютеру, отмахиваясь от меня, как от надоедливой мушки. Я направилась в кабинет отца.

– Нет, – ответил папа, колдуя над микроскопом, – не знаю.

– Он стоит, пап, – я встала перед профессором и попыталась обратить на себя внимание, – что ты об этом думаешь? – Он непонимающе поднял глаза. Я уточнила, зная его рассеянность: – О заборе.

– Если Крис поставила забор, значит, так было нужно, – отрезал он, утыкаясь в микроскоп, – это для защиты города.

– От кого, пап? Кроме нас, людей, на планете нет никого. Ты же сам знаешь, нет ни одного животного размерами больше моей ладони.

– Отстань от меня, – произнес раздраженно отец, – мне нужно работать.

– Ты не интересовался, сколько сейчас жителей в Александрии? – настойчиво допытывалась я. – Давно выходил в город? Ты вообще когда-нибудь выезжал из институтской территории? Наблюдал за простыми жителями?

Мои вопросы остались без ответа. Отец, как настоящий ученый, умел пропускать мимо ушей ненужную информацию. Я тронула его за рукав, обращая на себя внимание.

– Пап, ответь мне. Ты знаешь, почему у нас много детей с врожденными дефектами? И почему редко кто доживает до семидесяти лет?

– Тебе заняться нечем? – повысил голос профессор биологии. – Не забивай себе голову ненужными вещами. Пусть Крис об этом думает, это ее работа...

– Да уж, – пробормотала я себе под нос, отворачиваясь, – Крис думает...

– А у нас в институте есть отделение валеологии? – Вдруг мне в голову пришла новая мысль. Отец удивленно посмотрел на меня. – Или евгеники? Или что-то в этом роде?

Я жутко жалела, что последние пять-шесть лет ничем, кроме работы, не интересовалась. Я замкнулась в своем мире, мире генетики и биологии, и порядочно отстала от жизни.

– Ничего такого нет, – наконец ответил папа, – что за глупые вопросы, Нина?

И опять уткнулся в объектив микроскопа. Я тяжело вздохнула и покинула кабинет. В институте я не найду ответов, нужно идти в город, посмотреть на людей, простых жителей Александрии. Узнать, как они проводят свой досуг, что делают дети, старики.

Утром, только-только выскочило солнце, я отправилась пешком вдоль главной улицы.

Как же я давно не была в центре, на площади Основания! Как давно не заходила в музей, бывший ранее кораблем «Странник»! Наверное, последний раз еще в школе. Пока я медленно вышагивала, рассматривая новостройки, я не встретила ни одного человека. Грустное зрелище. Несколько транспортников с едущими на работу людьми и все. Никто не гулял, не прохаживался по улицам, не бегал и не прыгал. Не видно даже детей. Возможно, еще очень рано и все спят?

Музей был пуст и мрачен. Автоматические двери распахнулись, и я вошла внутрь. Вот справа жилые каюты, слева кинотеатр и столовая. Посредине голографический экран с изображением прародительницы Земли. Я помню, как часто нас водили сюда на экскурсии в школе. Как было интересно слушать об отважных первопроходцах...

Так и не дождавшись экскурсий, я вышла на улицу и медленно побрела домой.

Что происходит с нами? Неужели Люк был прав, и мы все медленно умираем? Уныние и подавленность охватили душу. Кто я? Что я? Что мы делаем и какой в этом смысл? Тяжело работаем всю жизнь, отказывая себе во всем. Даже в тех минимальных радостях, что доступны нам здесь, на этой бедной планете... В счастье, любви, близости с родным человеком.

Голова пухла от тяжелых мыслей. Раньше у меня была цель, стремления, задачи. Крис не давала времени на раздумья и сомнения. Может быть, так и нужно? Не смотреть по сторонам, не колебаться, не подозревать... Если бы Люк не поселил в моем сердце сомнения... Если бы я не видела... Не знала другой жизни, другого выбора. Зачем он показал мне заботу и нежность?

Оставался самый трудный разговор. Я откладывала его на потом, долго и умышленно. Наверное, я боялась ответов или чего-то другого. Возможно, того, что мой самый близкий и родной человек врал? Недоговаривал или что он совсем не человек?

– Нина, что с тобой? Ты неделю не приступала к своим исследованиям. Не подходила к компьютеру. Я дала тебе время прийти в себя, отдохнуть... Но это уже переходит всякие границы. Ты же знаешь, твое рабочее время расписано на годы вперед. Следующим этапом станет заселение Рапиде модифицированными животными и выращивание деревьев... Твой отец подготовил ДНК свиней и коз...

– Крис, – я махнула рукой перед огоньком круглосуточно работающей камеры, прервав увлекательную лекцию о том, что я должна сделать на благо народа Рапиде, – зачем все это?

– Что ты имеешь в виду? – произнесла Крис.

– Это правда, что человеческая цивилизация идет в никуда? – пришло время задать главный вопрос. – Солнце стремительно остывает? Губительное действие магнитного поля сказывается на длительности жизни? Детские мутации, врожденные болезни? Мы вырождаемся, Крис?

– Кто это тебе это сказал? – Голос президента обезличился, из него исчезли все интонации, и гневные, и ласковые.

– Так это правда... – уныло произнесла я и отвернулась от камеры...

– Твои новые друзья из «диких» просветили тебя? – Я сжала губы.

– А ты знала и молчала...

– Я компьютер, Нина. В моей программе есть алгоритмы построения регрессионного анализа. Я получаю информацию со всех точек планеты, от солнца, растений, животных и от каждого жителя Александрии... Естественно, скомпилировав данные и построив модель, я вывела статистическую диаграмму...

– Хватит! – заорала я. – Почему, Крис?... Почему ты молчала? Почему не сказала людям?

– А что даст вам это знание? – ответила Крис жестко. – Что вы сможете сделать? После приземления цивилизация откатилась в своем развитии на несколько сотен лет и сейчас идет по линейной прогрессии.

– Это не линейная прогрессия, – огрызнулась я, – это настоящий регресс. А что будет через пятьсот лет, через тысячу?

– Никого из живущих сейчас не будет через пятьсот лет, – отозвалась Крис, – останусь только я. Какая тебе или твоим друзьям разница, что будет?

– Люди должны знать, – упрямо повторила я, – у них должен быть выбор.

– Какой выбор? – Мне показалось, что в голосе Крис послышалась насмешка. – Вы ничего не сможете сделать. Вы жалкие букашки, ползающие по поверхности Рапиде, я защищаю вас от ваших же ошибок. Даю вам работу, цель в жизни, тепло, пищу...

– Свободный выбор – это ошибка? – крикнула я, изо всех сил стараясь не расплакаться, иначе Крис увидит мою слабость. – Я хочу жить так, как я сама того хочу. Рожать детей, когда хочу, выходить замуж, когда хочу, заниматься тем делом, которое по душе, а не то, что важно и нужно тебе.

– Разве генетика тебе не по душе?

– Я не знаю, Крис, – резко ответила я, – я только знаю, что с детства ты подталкивала меня к ней, с трех лет я читаю только книги по биологии и природознанию. Я ничем другим не занимаюсь. Возможно, я могла бы стать архитектором или... художником?!

– Художником?! Что за странные мысли, Нина? Нахватались от «диких», пока была там? Хватит! Ты будешь делать то, что я велю, и никакой свободы... Каждый будет делать то, что я велю... Я лучше знаю, что нужно людям. В меня это заложено программой.

Я в ужасе застыла, сцепив руки в замок. Во что превратилась добрая, заботливая Крис? Или она всегда такой была, просто я приписывала ей те качества, которые хотела видеть в родителях?

– Нужно было еще сотню лет назад построить забор, – продолжала она, – ужесточить нормы поведения и расписание... Слишком много у вас свободы. А что до тебя, Нина, – я сжалась на стуле, уже жалея, что подняла этот разговор, – ты меня разочаровала. Я считала тебя самым лучшим своим творением, видела в тебе перспективы... Я ошибалась. Пока мы с тобой рассуждали о свободе, я параллельно поговорила с Жаком, завтра вы едете в медцентр.

– Я не готова, Крис... – пискнула слабо.

– Ты никогда не готова! Все в твоём возрасте уже имеют по несколько детей. Твой долг как жителя Александрии продолжить род. Может, следующий раз мне повезет...

– Я никому ничего не должна! – выдохнула я, стараясь не задумываться о ее словах. – И никуда не пойду!

– А чтобы ты не совершила какую-нибудь ошибку, – продолжала Крис, будто ни в чем не бывало, – я запрещаю тебе выход из города, из территории института, из своей квартиры. Здесь есть все необходимое, чтобы прожить некоторое время.

Я ошеломленно слушала механический голос, стараясь не поддаваться панике.

– А завтра ты отправишься, под моим присмотром, естественно, в медицинский центр для искусственного оплодотворения. У тебя самые лучшие показатели и здоровья, и умственного развития. Твои гены мне еще пригодятся. У меня сотни лет впереди для исследований. И что бы ты ни думала, Нина, я люблю тебя, как свое неразумное дитя. Надеюсь, ты одумаешься и вернешься ко мне.

Я бросилась к двери – замок не открывался. Шестой этаж – в окно не выпрыгнуть. Крис отключилась. Я это поняла по исчезнувшему давящему взгляду из-под потолка. Немного пометавшись по квартире, я села и постаралась взять себя в руки. Что она говорила об исследованиях? При чем тут мои гены? У Крис есть какие-то свои тайные эксперименты? Паника не давала связно думать. После расставания с Люком прошла неделя. Если он не соврал, то скутер

будет ждать меня еще несколько недель. У меня уже не стоял вопрос – покидать Александрию или нет. Вопрос был только в том, как суметь выйти из квартиры и пересечь ограду.

Мама позвонила неожиданно.

– Нина, ты не представляешь! То, что ты нам принесла – чудо! Мы уже через месяц сможем полностью обеспечить город энергией, теплицы и инкубаторы засияют... Передай тем людям огромное спасибо.

– Я постараюсь, – ответила я дрожащим голосом, – только ты должна мне помочь.

– Что случилось?

– Мне нужно поговорить с тобой. Только так, чтобы Крис не смогла прослушать канал, – произнесла я, – сможешь организовать?

Мама немного помолчала.

– Понятно. Я все сделаю, – и отключилась.

Она пришла глубокой ночью, тихо открыв дверь. Я к тому времени отключила камеру под потоком и повыдергивала динамики, какие смогла обнаружить. Крис мне верила (до настоящего момента), и я очень надеюсь, что камера в моей квартире была одна.

– Мама, как ты открыла дверь? – Я резко вскочила с кровати.

– Милая моя, – мама протянула мне маленький цилиндр, похожий на толстый карандаш, – я все-таки заведующая энергетическим сектором, и у меня есть собственные изобретения.

– Что это? – Я взяла приборчик-цилиндр в руки и покрутила в ладонях.

– Фонарик, – усмехнулась мама, – только в то место, куда падает его свет, прекращается подача любой энергии... Этаким энергетический вампир. Недавняя разработка. У меня так же есть кое-какие тайны от Крис. Не думай, что мы все в институте от нее без ума. Я обесточила замок на двери и еще несколько камер по пути сюда...

Я ошеломленно слушала маму. Оказывается, я ее совершенно не знаю.

– Ты поругалась с Крис? – задала она вопрос энергичным тоном.

Я очнулась от шока и внимательно посмотрела на родительницу. Не то чтобы я ей не доверяла. Мы никогда не общались по душам, никогда не разговаривали о личном. Я была поздним, третьим ребенком, и мне всегда казалось, что они родили меня из-под палки, только по настоянию Крис. На самом деле я им была не нужна.

– Я в свое время тоже ругалась, буянила, пыталась спорить с ней... – произнесла мама мимоходом. – Только ничего у меня не вышло. В итоге я смирилась с ее выбором.

Сердце сжалось от внезапно охватившей его горечи.

– Это называется смирилась? – тихо произнесла я. – Ты никогда не интересовалась мной, не приходила в школу, не приносила подарков, – как я ни старалась, но в моем голосе проскользнула затаенная обида.

– Нина, – мама тяжело вздохнула, – когда ты родилась, мне было уже тридцать пять. После первых же тестов, которым тебя подвергли, Крис забрала тебя, как забирает всех потенциально ценных детей. Она растит их сама, обучает и тренирует, не допуская внешнего вмешательства. Ты всегда была такой серьезной, сосредоточенной, слишком умной для своего возраста. Никогда не смеялась, не играла с детьми. Мне было не по себе рядом с тобой... Прости. Наверное, я могла бы попытаться оспорить ее решение. Вместо этого я бросила тебя, полностью ушла в науку, исследования и, чтобы не страдать, выбросила родную дочь из сердца и из своей жизни... Твои братья были уже взрослые, и я... Да что теперь рассуждать, – мама, всхлипнув, опустила голову, – все, что я могу сейчас сказать, это – прости.

– Ты знаешь, что происходит в Александрии? – оборвала я мамину исповедь, слишком сложно и горько было смотреть на плачущую женщину. – С людьми?

– Догадываюсь... – ответила мама. – Ты из-за этого поссорилась с Крис?

– Да. Она настаивает на нашем браке с Жаком. Даже заперла меня здесь... Мне нужна была твоя помощь, чтобы уехать к «дикиим».

Мама улыбнулась.

– Значит, я все правильно поняла. Возьми рассеиватель, направишь широким лучом на ограду, и откроется окно в энергетической сетке.

– Мама, – я схватила ее руку и потянула за собой, – пойдем со мной. Тебе найдется место в институте Лондона, тебе там будут рады...

– Нет, Нина. Я не пойду. Конечно, мы с папой не безумно любим друг друга, но уже привыкли жить вместе. У нас есть общие дети, научные исследования и собственная лаборатория в институте. А у тебя еще вся жизнь впереди, ты можешь ее изменить.

Мы крепко обнялись. Я чувствовала, как глаза защипало. Мама поцеловала меня в щеку и тихо прошептала:

– Иди за своим счастьем, Нина.

– Я вернусь, – быстро пробормотала я, – если все сложится, как я задумываю, то мы все спасемся.

От мамы донесся удивленный вздох, я не стала объяснять, нет времени и это не моя тайна. Развернулась и побежала по коридору, не взяв с собой ничего, кроме зажатого в руке «энергетического рассеивателя».

К холмам я добежала, когда совсем рассвело. Пришлось изрядно постараться, чтобы сделать проем, вмещавший меня и одновременно оставить рассеиватель в своих руках. Веревку или другую длинную нить взять не догадалась. Вместо нее пришлось использовать сложную конструкцию из веток.

Скутер находился в том месте, на какое указал Люк неделю назад. В его программу были заложены координаты Лондона. Я нажала на автопилот и полетела в никуда. Если на транспортнике мы летели несколько часов, то сколько же мне придется ехать на этой смешной открытой платформе?

Утро сменил день, день – вечер. Мой блуждающий взгляд наткнулся на скудную чахлую растительность, покрывающую землю. Хорошо еще, что сейчас было лето, иначе я не смогла бы долго находиться на ветру. На Рипиде не было высоких гор или глубоких морей. Водоемами служили многочисленные болота и небольшие речушки, вытекающие из них же. Планета словно замерла перед неизбежным угасанием, с трудом поддерживая едва теплящуюся жизнь.

Времени на раздумья было много. Что ждет меня впереди? Опять бесконечная работа, только на благо «диких»? Вечные – ты должна, ты старайся, ты можешь? Но в глубине души жила надежда на обретение дружбы, счастья, возможно, любви. Слова Люка: «Пойдем с нами. Будь со мной» до сих пор звучали в ушах... Ошибаюсь я или нет? Увы, об этом я никогда не узнаю, если не попробую.

Вечер сменился ночью, усталость давала о себе знать. Несколько раз я отключалась и чуть было не падала с платформы, успевая выпрямиться в последний момент. Только на следующее утро я разглядела впереди знакомые дома. Скутер я направила прямо к институту. Оставила платформу возле парапета и, не размышляя, вошла внутрь, шатаясь от усталости.

– Мне к профессору Дробышеву, – заявила на вопрос девушки, сидящей у стойки.

– Он сейчас читает лекции по математическому моделированию, – ответила она, сверившись с компьютером, – вы найдете его в пятом лекционном зале.

Не зная, где пятый зал, где четвертый, я свободно прошла дальше по коридору, опустилась на первую попавшуюся скамейку у стены и сразу же отключилась.

Проснулась я от неясного шума вокруг. Напротив на корточках сидел Люк, с улыбкой рассматривая меня веселыми глазами. Его окружали несколько знакомых мне студентов. Я обвела мутным сонным взглядом изумленные лица молодых людей и произнесла хрипло: «Здравствуйте. Вот, я прилетела».

Откуда-то появился охающий профессор и принялся причитать:

– Бедная девочка устала! Что вы вытаращились, словно увидели инопланетное чудище!

Прежде всего Нине нужно поесть и поспать.

И уже Люку:

– Проводи девушку в общежитие, завтра выделим ей комнату, а пока пусть поживет в твоей. Тебе все равно она не нужна.

Люк встал и подхватил меня на руки. Мне показалось или у него на губах промелькнула самодовольная улыбка? Ладно, он победил, пусть улыбается, только отнесет меня в кровать. Нервное потрясение плюс шесть часов сидя на открытой платформе докончили меня окончательно.

– Ты еще не улетел на «Странник»? – пробормотала я в полусне.

– Как видишь, – ответил он, с легкостью неся меня через двор.

– Я хотела тебя попросить взять меня с собой. – Пораженное молчание было мне ответом. Руки Люка дрогнули и крепче прижали к груди. Я с трудом балансировала между сном и явью, но нежный поцелуй в лоб почувствовала даже в таком состоянии.

– Спи, поговорим потом...

– Не улетай без меня.

– Не улечу.

И я заснула.

Дежавю. Я опять проснулась в чужой кровати. Опять темно и непонятно: ночь или закрыты жалюзи. Опять возле кровати стоит поднос с едой. На этот раз самоподогревающаяся каша и неизменный витаминный напиток. Я криво улыбнулась. Не слишком они улучшили свое питание спустя неделю после моего отъезда. Спустя пару секунд комната начала приобретать знакомые черты. Я узнала институтскую квартиру Люка.

Вежливо дав мне полчаса на завтрак и «привести себя в порядок», хозяин отворил дверь.

Я сидела за его столом и рассматривала альбом с рисунками. У него неплохо получается. Серьезная девочка с огромными широко распахнутыми глазами, с пучком травы в руках выглядела очень похоже. И неулыбчивая сосредоточенная женщина, склонившая над микроскопом.

– Привет, Люк, – подняла я голову, – а ты талант.

Мужчина улыбнулся, но глаза остались настороженными.

– Что ты вчера говорила о том, чтобы полететь со мной? – произнес он напряженно. – Или это было в бреду?

– Нет, – я отложила альбом в сторону, – если я не ошибаюсь, и вы построили шаттл по чертежам «Странника», то он может нести от двух до пяти человек экипажа.

Люк немного помолчал.

– Да, ты права. На шаттле могут лететь двое. Но я не вправе уговаривать кого бы то ни было лететь с собой, если существует хоть малейшая вероятность, что нас собьют. И тебя не возьму по той же причине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.